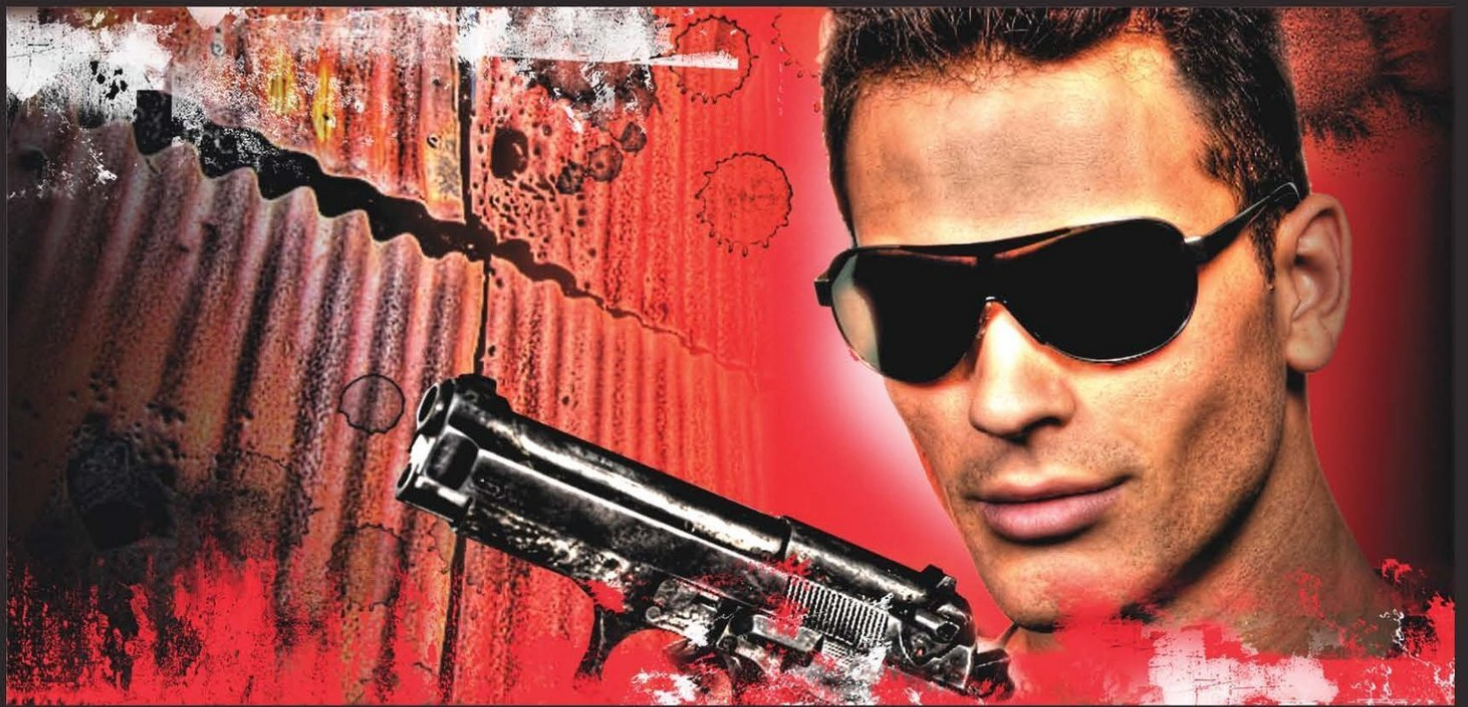

АНДРЕЙ С О В Р Е М Е Н Н Ы Й
Р Б Е С Т С Е Л К Е Р

ВОРОНИН

СЛЕПОЙ

НЕ БРАТЬ ЖИВЫМ

Слепой

Андрей Воронин

Слепой. Не брать живым

«ХАРВЕСТ»

2011

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

Воронин А. Н.

Слепой. Не брать живым / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2011 — (Слепой)

ISBN 978-985-16-9876-5

Глеб Сиверов, он же секретный агент ФСБ с оперативным псевдонимом Слепой, получает новое задание: расчистить путь к креслу губернатора одной из ведущих российских областей тому человеку, которого вот-вот назначат на эту должность. Слепой привык действовать, но ведь не даром говорится, что каждому действию найдется противодействие. Предстоит жестокая схватка...

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

ISBN 978-985-16-9876-5

© Воронин А. Н., 2011
© ХАРВЕСТ, 2011

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	33
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Андрей Воронин
Слепой. Не брать живым

© Харвест, 2011

Глава 1

Возвращаясь вечером домой, Артур Сливин, как всегда, заглянул в почтовый ящик, хотя там, кроме ярких, глянцевого, надоедливых, как августовские мухи, рекламок, ничего и быть не могло. Ключи от этой только после евроремонта, модно обставленной квартиры шеф передал ему всего несколько дней назад, заверив, что Артур со временем сможет стать ее полноправным хозяином. Так что мастерски сфотографированные железные двери, шкафы-купе, французские подвесные потолки Артура мало интересовали, и он, не вглядываясь, доставал глянцевые бумажки из ящика и клал их на подоконник или на батарею, где уже валялись такие же рекламки.

Но в этот раз кроме рекламок в ящике оказался еще и продолговатый почтовый конверт с логотипом банка «Омега». Сливин напрягся. Как раз вчера на прием сначала к губернатору Глухову, а потом к нему приходили двое мужчин из руководства именно этого банка. Одного, тощего и длинного, с гладко зачесанными назад редкими, почти бесцветными волосами и полупрозрачными серо-голубыми глазами, он хорошо запомнил. Разговора у них не получилось.

Поднимаясь по ступеням, Артур разорвал конверт, достал аккуратно сложенный белый вкладыш и уже в лифте прочитал:

«Уважаемый Артур Павлович!

За время нашего сотрудничества мы узнали Вас как ответственного и надежного Клиента. Мы очень ценим это и поэтому делаем Вам специальное предложение.

Теперь Вы можете получить Кредит в банке «Омега» до 5 000 000 долларов для организации собственного бизнеса».

Артур изумленно присвистнул, вышел из лифта на своем шестом этаже, вошел в квартиру, не снимая туфель, прошел на кухню, зажег свет и снова перечитал написанное.

Проблема состояла в том, что он не был клиентом ни «Омеги», ни какого-либо другого банка и, разумеется, никогда не брал ни в этом, ни в каком-либо другом банке никаких кредитов. Еще неделю назад он был выпускником юридического факультета Нижегородского университета, который мыкался по городу в поисках подходящей работы и недорогого жилья. И вдруг, считай, за один вечер, да что там, за несколько часов, за несколько минут, которые понадобились ему, чтобы защититься от пьяных хулиганов тоже слегка подвыпившего, лысоватого мужчину в спортивном костюме, все переменилось.

Теперь он работает помощником не у кого-нибудь, а у самого губернатора Нижегородской области Михаила Михайловича Глухова, у него, вчерашнего выпускника, есть машина, квартира и, главное, деньги...

Глухов, а именно его Сливин в тот оказавшийся для него судьбоносным вечер не только защитил от хулиганов (спасибо тренеру по карате!), но и проводил до самой его квартиры, взял у него номер мобильного, а уже назавтра позвонил, пригласил к себе в кабинет.

– Я готов решить любые твои проблемы! – сказал он, пожимая Артуру руку. – Ведь я уверен, ты понятия не имел, что спасаешь от хулиганов не кого-нибудь, а самого губернатора...

– Если честно, то да... – растерянно кивнул Артур, с трудом узнавая в солидном чиновнике в дорогом костюме и при галстук вчерашнего бомжеватого лысого толстяка, которого защитил от хулиганов.

– Ну вот, значит, тем более ты заслуживаешь награды! – улыбнулся Глухов Артуру. – Я привык за добро платить добром. Иногда даже в двойном размере. Итак, чем я тебе могу помочь?

– Даже не знаю, – замялся Артур... – Может...

– Смелее. Не мямли. Я имел возможность убедиться в том, что ты человек решительный, – подбодрил его Глухов.

– Ну, в общем, главная моя проблема в том, что у меня нет работы, – выдохнул наконец Артур и добавил: – Я окончил юридический факультет...

– Ну так это судьба! – потирая руки, весело воскликнул Глухов. – Мне как раз нужен юрист!

– Но может, вам нужен кто-нибудь поопытнее... – замялся Артур.

– Перестань! – махнул рукой Глухов. – Я привык с молодежью работать! Я люблю, чтобы глаза у человека горели, чтобы он был готов горы свернуть! У человека, как ты выражаешься, опытного, есть и семья, и квартира, и дача... Разве заставишь его рисковать? А в нашем деле без риска никак! Как говорится, кто не рискует, тот не пьет шампанского! Я люблю тех, кто хочет всего и сразу. У кого есть кураж!

– А что, у меня есть кураж? – удивился Артур.

– Нет, так будет! – уверенно сказал Глухов. – Если сработаемся, через полгода, максимум через год у тебя будет все, что душа пожелает... – И, протянув Артуру пухлый конверт, добавил: – Это компенсация за синяки и твой порванный костюм.

– Да что вы... Зачем... – замялся Артур.

– Глупыш, у тебя ведь теперь начинается совсем другая жизнь, – покачал головой Глухов. – И ты, хочешь не хочешь, должен ей соответствовать. Квартира, машина, костюм, галстук, даже туфли, парфюм у помощника губернатора должны быть не хуже, чем у тех жучков и червячков, которые приползают сюда за помощью и которых ты будешь выслушивать в своем кабинете.

– Я думал, что мне придется работать с людьми, а не с насекомыми... – не скрывая скепсиса, пожал плечами Артур.

– Ну-ну, поработаешь с мое, поймешь, что на тех, кто сюда заявляется, лучше смотреть чуточку свысока. Мы с тобой чиновники, а не священники и исповеди выслушивать не обязаны. Ты одним своим видом должен настраивать человека на деловой лад. Слюни и сопли пусть другие вытирают, – заметил губернатор.

Через пару дней, пообщавшись с теми, кто приходил на прием к губернатору и кого тот посылал на консультацию к юристу, то есть к нему, Сливину, Артур понял, что, возможно, в таком взгляде на вещи есть некоторые основания. Одни, краснея и заикаясь, просили подсказать, как обойти закон, чтобы получить льготный кредит в банке, другие, подобострастно заискивая, хотели стясти с должника лишние проценты за задержку платежа. Какой-то с виду приличный седовласый мужчина попросил Артура найти юридические лазейки для того, чтобы забрать себе земельный участок, на котором располагался детский дом. И из банка «Омега» приходили заручиться поддержкой губернатора тоже в не совсем чистом деле. Губернатора на месте не оказалось, но, как только двое ложенных, приторно улыбчивых представителей банка вошли в кабинет к Сливину, Глухов перезвонил и попросил Артура оказать банку «Омега» полный комплекс юридических услуг.

– Они в долгу не останутся, – пообещал губернатор. – Выслушай их и документы возьми. Потом вместе помозгуем. Порешаем. Эти люди проверенные. В долгу не останутся, – повторил он.

Артур кожей чувствовал, что губернатор с таких «просителей» берет за «юридические услуги» и свою поддержку немалые деньги. Некоторые из них и ему, Артуру, пытались вложить между бумаг конверты. Но он, не столько из-за природной брезгливости, сколько понимая, что его запросто могут подставить, ничего не брал.

Разбираясь с оставленными ему документами, Артур увидел, что многие из них – филькина грамота. И когда Глухов поутру вызвал его к себе в кабинет и спросил, как продвигаются дела, Артур только пожал плечами:

– Законно почти ничего не решишь...

– Закон, что дышло, куда повернул, туда и вышло, – хохотнул Глухов, похлопывая его по плечу. – Ты юрист или не юрист?!

– Но я боюсь, не смогу...

– Не сможешь – поможем! – уверенно сказал Глухов. – Твое дело – проверить документацию. Чтобы я точно знал, где все чисто, а где «липа». А потом вместе посидим и все обмозгуем. Раз люди просят, мы должны им помочь. Я к тебе просто так никого не посылаю. Давай неси, что у тебя там поднакопилось...

– И по банку «Омега» тоже? – уточнил Артур.

– А по банку «Омега» особенно... – кивнул Глухов. – Они – наши да-а-вние друзья. Они и тебе помогут, если кредит захочешь взять или деньги выгодно вложить. Я им перезвоню: пусть помозгуют, как не только меня, но и тебя отблагодарить.

Кухня в новом жилище Артура была обставлена с претензией на хай-тек. Здесь было все, что человеку нужно: электроплита с удобной духовкой, умывальник, посудомойная машина, холодильник, микроволновка, шкафчики и даже небольшой экран на стене. У занавешенного белыми в черную клеточку занавесками окна стоял небольшой пластмассовый стол с прозрачной столешницей и два также пластмассовых стула. Пол был тоже черно-белым и напоминал шахматную доску. Небольшая картина с изображенными на ней упавшими на шахматную доску пешками, оправленная в металлическую блестящую рамку, усиливала эффект. Особенно вечером, когда горел подвешенный под самым потолком молочно-белый шар светильника.

Артур включил чайник и еще раз просмотрел присланные банком документы. Проценты были просто сказочными. При той зарплате, которую положил ему Глухов, Артур смог бы выплачивать их без всякого напряжения.

Артур вытер пот, вернулся в прихожую и принялся раздеваться.

Предложение банка «Омега» было не из тех, которыми можно пренебрегать. Ведь Артур только что устроился на работу, поручителей ему не найти. И ни один банк еще минимум год ему никаких кредитов не предоставит. А имея предложенные деньги, он сможет, если все как надо сложится, осуществить свою давнюю мечту – открыть собственную юридическую консультацию. Артур заварил мятного с мелиссой чая, съел пару горячих бутербродов, но так и не смог унять волнения: полночи ворочался на мягкой двуспальной, с ортопедическим матрасом кровати, пытаясь уснуть.

Уже под утро он на пару часов забылся, будто провалился в сон, но ровно в семь уже стоял на ногах. Умылся, принял душ, побрился и еще в халате, за кофе, перезвонил Глухову.

– Ты где болтаешься?! – не скрывая возмущения, спросил Глухов. – Я же просил тебя в полдевятого как штык явиться ко мне с докладом! Мне тут эти деятели из «Омеги» уже телефон оборвали.

– Я как раз туда сейчас направляюсь! – поспешил успокоить его Артур. – Мне до разговора с вами кое-что у них нужно уточнить.

– Ну вот, наконец в твоём голосе зазвучала нормальная деловая интонация! – хмыкнул Глухов. – Как только уточнишь, приезжай на службу, я тебе расскажу кое-что интересное. Да, не вздумай там, в банке, задавать лишние вопросы или, еще хуже, проверять что-то. Без меня чтобы не делал ни одного резкого движения! Понял?

– Да все я понял... – кивнул Артур.

Он допил кофе и, одевшись, оценивающе посмотрел на свое отражение в зеркальной створке шкафа.

Аккуратно подстриженные темные волосы, гладковыбритое узкое лицо с правильными, почти античными чертами лица, мужественный подбородок, широкие плечи, которые еще больше укрупняет модный светло-серый пиджак и в тон ему светлый плащ. Белая рубашка, галстук со свежим новым рисунком, даже на вид дорогие черные туфли «Прадо». Именно так, как ему казалось, должен выглядеть Клиент, который заслужил доверие банка. Артур хотел

надеть еще и широкополую черную шляпу, но передумал. Взял черный, все еще густо пахнувший кожей портфель с документами, добавил чуточку терпкого мужского парфюма, взглянул на часы, тоже новые и модные, и, вздохнув, отправился ловить удачу.

Уже выйдя на улицу, Артур вспомнил, что забыл взять письмо с предложением о кредите. Но возвращаться ему совсем не хотелось, и он решил, что если уж банковские служащие послали письмо по его адресу, то наверняка он занесен в их базу данных.

Главный офис банка «Омега» располагался неподалеку, на первом этаже только что построенной девятиэтажки. В довольно просторном, залитом мягким молочным светом холле стояли белые столы с современными мониторами, за которыми сидели элегантные девушки, и ярко-красные кожаные кресла для посетителей. Посетителей было немного: пара человек стояла у кассы и еще несколько читали информацию на стене.

Сев перед ярко накрашенной с алым, в тон губ, галстуком девушкой, Артур поздоровался и назвал ей свой адрес.

– Мне пришло предложение о получении кредита для открытия собственного дела, – сказал он.

Девушка отыскала нужный файл и вежливо кивнула:

– Да, такой адрес у нас есть. Дайте, пожалуйста, ваш паспорт.

Сливин протянул документ, но девушка, перевернув его страницы, удивленно вскинула брови:

– Мы предлагали кредит проживающему по этому адресу Артуру Павловичу Сальвину, а вы ведь Сливин...

И тут ведущая в служебные помещения закодированная дверь открылась и в зал вошел один из тех молодых людей, которые приходили к губернатору и к нему, Сливину, со своими документами, – тот самый, запоминающийся, тощий, белобрысый, с прозрачными серо-голубыми глазами. Подойдя к Сливину, он расплылся в приторно сладкой улыбке:

– Вы тоже наш клиент?

– Да вот, откликнулся на ваше предложение. Хочу взять кредит на собственное дело, – сказал Сливин.

– Роберт Викторович, но это невозможно, – поспешила вмешаться девушка.

– Почему?! – недовольно спросил белобрысый.

– Адрес совпадает и даже имя и отчество... Но фамилия у гражданина не такая. Мы выслали предложение о кредите нашему постоянному клиенту Сальвину, который прописан по этому адресу. А это Сливин...

– Это неважно, – оборвал ее Роберт Викторович. – Этот господин находится у нашего банка на особом счету. И мы готовы дать ему любой кредит и под самые выгодные для него проценты. Тебе понятно?!

– Понятно, – кивнула девушка и, покраснев, уткнулась носом в экран компьютера.

– Оформляйте немедленно! – распорядился клерк и, положив на соседний столик папку с документами, направился к выходу из зала.

Но не дошел.

В зал ворвался низенький молодой человек в сбившемся набок ярко-рыжем парике.

– Стоять! – заорал он, размахивая громадным револьвером. – Я вас всех выведу на чистую воду! Я не дам вам завладеть моей мастерской!

– Охрана! – крикнул, бледнея, Роберт Викторович. – Где охрана?!

Девушка, перед которой сидел Сливин, изо всех сил нажала на сигнальную кнопку.

В зал из-за кодовой двери выбежали охранники – два качка в одинаковых черных костюмах и с пистолетами. Парень в рыжем парике выстрелил в Роберта Викторовича и рванул к входной двери.

Роберт Викторович медленно, по стене, осунулся на пол, сжимая пальцами плечо, из которого струилась кровь. Один из охранников успел его подхватить и, достав мобильник, вызвал «скорую». Второй охранник тем временем выскочил на улицу, пытаясь догнать парня в рыжем парике.

Глава 2

Уложив сына спать, Глеб Сиверов потушил свет и подошел к окну. На улице было туманно и сыро, моросил мелкий дождь, и порывы ветра то и дело трепали продрогшие без листьев ветви деревьев. Два фонаря плавали в дождливой бездне, будто небесные светила, безнадежно пытаясь вырваться из вязких кругов тумана и едва нащупывая светом ведущую к подъезду дорожку. Ни машин во дворе, ни дома напротив было не разглядеть.

В квартире было совсем тихо. Похоже, жена тоже задремала.

После того как у них с Ириной родился сын, Глеб, даже еще до конца не осознав значимости этого события, почувствовал, что теперь не сможет, как раньше, рисковать безоглядно. Пока названный в честь него же Глеб-младший не подрастет, он за него в ответе. И еще он чувствовал, что ему не хочется разлучаться с семьей. Может, он уже стареет? Глеб ловил себя на том, что буквально упивается спокойствием и тишиной, которых так мало было в его жизни. Ему даже музыку не хотелось включать. И настойчивое дерганье поставленного на виброрежим мобильного было совсем некстати.

Сиверов достал из кармана джинсов телефон и глянул на дисплей. Там высветился номер телефона единственного человека, которому он не мог не ответить. И не столько по долгу службы, сколько по долгу сердца. Это был Федор Филиппович Потапчук, скорее даже не начальник, а друг, старший друг, которого Глеб Сиверов, спецгент ФСБ с оперативным псевдонимом Слепой, привык уважать. С Потапчуком его связывали годы совместной работы, оба не раз рисковали жизнью и с честью выпутывались из порой безвыходных ситуаций. Правда, в последнее время Федор Филиппович взял на себя роль ангела-хранителя Сиверова, ограждая его от ненужного, по его мнению, риска.

Глеб даже как-то спросил у него: «Может, мне перестали доверять?» На что Потапчук, не скрывая легкой иронии, заметил, что для рядовых головоломных эскапад у них хватает агентов помоложе и, главное, бездетных. Сиверов лишь молча пожал плечами, поскольку понимал, что рано или поздно настанет момент, когда без его опыта и мастерства обойтись не смогут. И если уж Потапчук решил побеспокоить его в этот промозглый, дождливый осенний вечер, значит, и в самом деле стряслось нечто экстраординарное.

– Слушаю вас, Федор Филиппович! – ответил Глеб, стараясь говорить потише.

– Это я тебя слушаю! – бодро отозвался Потапчук. – Как там Глебушка-младший?

– Да вот только что уснул.

– Отлично, – обрадовался Потапчук. – Значит, мы с тобой можем встретиться!

– Встретиться? Это срочно? – насторожился Глеб.

– Да, – односложно ответил Потапчук, и в его теплом голосе зазвучали сухие тревожные нотки.

– Где и когда?

– Я сейчас в сауне. Подъезжай, – сказал Потапчук.

– Через пятнадцать минут буду, – пообещал Глеб, взглянув на стоящий на подоконнике будильник со все еще не переведенными на зимнее время стрелками.

Уже натянув свитер, он зашел на кухню, умылся холодной водой и, пока заваривался кофе, потер виски, переносицу... Но и после кофе особой бодрости он не почувствовал. Перевод часов для тех, кто приучил себя жить по строгому распорядку дня, был делом гибельным, но Глеб все трудности воспринимал лишь как новую высоту, которую, хочешь не хочешь, нужно преодолеть.

Потапчук ждал его, конечно же, не в сауне, а в агентурной квартире в Банном переулке. Банный переулок находился от дома Глеба Сиверова всего в двух автобусных остановках, но

Глеб проехал пару остановок в обратную сторону, зашел в магазин, купил бутылку коньяка, лимон, сыр и пачку хорошего кофе. И уже с этим увесистым пакетом поехал на нужную остановку. В автобусе сидели только две усталые, продрогшие под дождем женщины и молодой человек, который, не снимая с головы капюшона куртки, мерно подергивался под разносившуюся из его наушников по салону «Металлику».

Сиверов сел у самых дверей и, сделав вид, что задремал, но вот спохватился, на нужной остановке выскочил из автобуса, когда уже закрывались двери. Убедившись в том, что никто его личностью не интересуется, он направился в Банный переулок, где в одной из ничем не примечательных, переживших недавний капремонт «хрущевок» на третьем этаже находилась только им с Потапчуком известная, снятая на чужое имя квартира.

В подъезде недавно установили кодовый замок, и Глебу, который помнил квартиру на вид – третий этаж, налево, – пришлось просчитать ее номер.

– Ну, наконец! – чуть раздраженно бросил Потапчук и добавил: – Входи, открываю!

За железной дверью с кодовым замком свет не горел, и Глебу пришлось подниматься по лестнице чуть ли не наощупь. Правда, на третьем этаже было посветлее – Потапчук предусмотрительно приоткрыл дверь.

– Ты, я смотрю, не с пустыми руками, – кивнул Потапчук, взглянув на пакет, из которого выглядывало горлышко коньячной бутылки.

– Это, Федор Филиппович, исключительно ради конспирации, – улыбнулся Глеб, захлопнув за собой дверь.

– Ладно, конспиратор, проходи, – пригласил Потапчук, – раздевайся, я уже чайник включил. Ты замерз, наверное...

– В такую погоду, как говорят, хороший хозяин собаку во двор не выпустит, – покачал головой Глеб, отдавая Потапчуку пакет.

– Ну, я не хозяин, а ты не собака, – пожал плечами Потапчук, направляясь на кухню.

Глеб аккуратно стряхнул с куртки дождевую влагу, повесил ее на вешалку и принялся стаскивать с ног кроссовки.

Когда он появился на кухне, на столе уже стояли бутылка коньяка, рюмки и тарелочка с аккуратно нарезанным лимоном.

– Я сейчас кофе заварю, но тебе, может, чего перекусить, хотя бы бутерброды сделать... – предложил Потапчук.

– Я же из дому! – улыбнулся Глеб.

– Как приятно мне слышать это из твоих уст! – ухмыльнулся Потапчук, насыпая кофе и сахар в чашечки и доливая туда кипяток.

– Федор Филиппович, вы же меня в такую погоду не кофе пить выдержали, – покачал головой Глеб, усаживаясь за стол, – давайте сразу к делу. А то я две ночи спал урывками и день нынче совсем уж дурацкий выдался, помотаться по городу пришлось. Так устал, что засыпаю буквально на ходу.

Потапчук настороженно поинтересовался:

– А чего ты по городу мотался?

– Да так, бытовуха! – махнул рукой Глеб, открывая бутылку и разливая в рюмки коньяк.

– Ну что ж, давай выпьем за то, чтобы она, эта бытовуха, не затянула тебя в свое болото! – провозгласил Потапчук, чокаясь с Глебом.

Он разделался с коньяком в несколько глотков, взял с тарелочки ломтик лимона, насыпал на него из пакета немного молотого кофе, добавил ложечку сахара и, смачно причмокнув, положил его в рот.

– Вы, я смотрю, закусить решили по-царски, – покачал головой Глеб, тоже глотнув коньяка и подцепив ломтик лимона.

– К царскому напитку царскую закуску! – кивнул Потапчук. – Коньяк ты купил отменный. Теперь много подделок, а ты, смотри-ка, настоящий нашел.

– Я совсем забыл, – с тревогой взглянув на Потапчука, пробормотал Глеб, – вам же нельзя пить...

– Теперь можно. Теперь мне все можно... Правда, водку я боюсь брать. Почти вся паленая. Даже фирменную научились подделывать. А коньячок можно! Да еще такой выдержанный! Я после того, как на время обследования врачи отстранили меня от истинной мужской жизни, вкус настоящего коньяка ощущаю особенно остро.

– Ну что ж, я рад, что смог сделать вам приятное! – кивнул Глеб.

– Да, ну а теперь поговорим о деле, – вдруг враз посерьезнев, сказал генерал Потапчук.

Глеб внимательно посмотрел на него. Информацию он привык не только воспринимать на слух, но и считывать с лица. Потапчук, если это было нужно, умело скрывал свои эмоции. Но, как и всякий нормальный человек, он ценил моменты, когда можно было быть самим собой. И теперь на его усталом, изрядно изъеденном морщинами лице отражались все его чувства и опасения. Глебу важно было понять, какова степень риска. Нет, не для того, чтобы отказаться от задания, формулировка которого, по всему было видно, уже вертелась на языке у Потапчука, а для того, чтобы задать нужные вопросы, то есть минимизировать грозящую ему и, главное, его родным опасность. По тому, как Потапчук, не отрывая взгляда от стола, нервно теребил салфетку, Глеб понял, что дело пахнет керосином.

– Здесь, в Москве, есть некая госпожа Линькова, которую прочат на место губернатора одной из крупнейших, стратегически важных российских областей, – начал генерал Потапчук.

– Ее нужно проверить? – высказал предположение Глеб.

– Нет, – покачал головой Потапчук.

– Защитить?

– От тех, кто пытается ее убрать, защититься трудновато, – сухо констатировал Потапчук. – Ее на время, пока все не уляжется, надежно спрячут. Здесь или за границей. У нас с тобой совсем другая задача... – Потапчук на минуту задумался и продолжил: – Мы должны нейтрализовать тех, кто ни за что не хочет допустить ее к власти... Образно говоря, перед тем, как она займет губернаторское кресло, в области нужно провести генеральную чистку. Как ты сам понимаешь, я никуда из столицы выехать не смогу. Чтобы не вызывать лишних подозрений. Мне кажется, что нынешнему губернатору подыгрывает кто-то из наших фээсбэшников. Кто именно, это тоже не мешало бы выяснить.

– Вы хотите сказать, что нужно каким-то образом избавиться от нынешнего губернатора?

– Нет, – покачал головой генерал Потапчук. – В том-то все и дело, губернатор пусть живет. Нужно убрать тех, на кого он опирается, кто его крышует и покрывает все его аферы. Ну и тех, конечно, кого он и его люди покрывают, имея за это приличные бабки...

– Ну, Федор Филиппович, вы и заговорили! Крышуют, бабки! – с иронией покачал головой Глеб.

– С волками жить – по-волчьи выть... – усмехнулся Потапчук. – Мы должны снести крышу, убрать всех, кто как-то связан с сегодняшней властью. Сделать так, чтобы губернатор оказался в вакууме, один, совсем один. А один, как говорится, в поле не воин.

– Убрать – в смысле изолировать? – уточнил Глеб.

– Убрать – в смысле избавиться, не оставляя следов, – резко сказал генерал Потапчук и глянул Глебу прямо в глаза.

Глеб, пытаясь собраться с мыслями, промолчал.

– У меня, кроме тебя, нет надежного человека, – продолжал Потапчук сухо. – А те, кто меня попросил об этом одолжении, просьб не повторяют. И убирают не только всех лишних свидетелей, но и всех, кто им не подчиняется. Какой бы пост те ни занимали.

– Вы хотите сказать, что, если мы с вами не уберем тех, кого надо, уберут нас?

– Уберут меня. Тебя я не называл. Я только сказал, что есть у меня на примете один человек. Но то, что ты обязательно согласишься на выполнение задания, не оговаривалось.

– Что значит уберут вас?..

– Ну, в лучшем случае отправят на пенсию, – вздохнул Потапчук.

– Понятно, – кивнул Глеб.

Самым неприятным в этом деле было то, что в любой момент суть просьбы, обращенной к генералу Потапчуку с самых верхов власти, могла стать известной тем, кто «крышует» нынешнего губернатора в ФСБ. И тогда к его, Глеба, приезду на место все заинтересованные лица будут предупреждены. И у них будет возможность вычислить и избавиться от него раньше, чем он успеет расправиться с ними. Наверняка в ФСБ есть люди, которые хорошо знают не только Потапчука, но и его агентов. То есть уже с этой минуты он должен действовать быстро и весьма обдуманно.

– Федор Филиппович, вы сказали, что в этой операции задействованы очень серьезные люди, – осторожно поинтересовался Глеб.

– Да, я даже не озвучиваю их имен, – кивнул Потапчук.

– И они, эти люди, позаботились о безопасности госпожи Линьковой, – продолжал Глеб.

– Конечно. Иначе нет смысла затевать игру.

– А как быть с безопасностью моей семьи? Ведь никто не может гарантировать, что меня не вычислят или уже не вычислили. И тогда, стоит мне уехать из Москвы, моя жена и мой сын станут для них легкой добычей...

– Я понимаю, – кивнул Потапчук. – Мы с тобой можем рисковать только своими жизнями, но никак не жизнью своих близких. – С этими словами он достал из кармана пиджака аккуратно сложенную бумажку. – Здесь адрес санатория. Если ты не против, их сейчас же туда отвезут.

– Сейчас же?! – переспросил Сиверов. – Но уже ночь на дворе. Они спят!

– Это единственная возможность их обезопасить. Там их поселят под другой фамилией. Отдельный номер, медицинское обслуживание, охрана... Там сейчас живут несколько семей погорельцев. И наши ребята обеспечат им полную безопасность, – пообещал Потапчук.

– Я перезвоню? – спросил Глеб, понимая, что и без его согласия генерал Потапчук все уже продумал.

– Нет, лучше напиши записку. Мой человек передаст ее твоей жене. И еще, чтобы не пугать соседей, дай ему ключ от квартиры. Он тихо войдет, разбудит, поможет собраться, – предложил генерал Потапчук, и тон, которым это было сказано, исключал всякие возражения.

– Понял, – кивнул Глеб, доставая из внутреннего кармана куртки подаренный Ириной блокнот и гелевую ручку. Записку нужно было написать так, чтобы Ирина сразу поверила. Он предупредил ее о подобных экстренных случаях. А здесь все разворачивалось так, что дорога была каждая минута, при таком раскладе ему самому вряд ли стоит возвращаться домой.

Глеб на мгновение задумался и написал: «Милая Иринка! Вам некоторое время полезно будет пожить за городом. Там есть все необходимое. Если что-то потребуется купить, попроси ребят. Они помогут. Поскольку на пороге зима, обязательно возьми теплые вещи. Целую».

Подписываться Глеб не стал, но нарисовал улыбающуюся рожицу, которая должна была успокоить Ирину. Его лицо при этом могло бы послужить прототипом противоположного символа, поскольку его просто-таки угнетало чувство вины. Он укорял себя за то, что при своей более чем опасной работе позволил себе роскошь иметь семью. Но, с другой стороны, именно семья давала ему силы жить и действовать.

Потапчук тем временем вызвонил водителя – многократно проверенного, высокого розовощекого здоровяка Василия. Василий взял записку и, кивнув, вышел. Адрес, очевидно, Потапчук ему уже заранее дал.

– А мне куда теперь? Тоже в санаторий? – спросил Сиверов. Спать ему, несмотря на выпитый коньяк, теперь совсем не хотелось.

– Выпьем еще? – спросил Потапчук.

– Нет, – покачал головой Глеб.

– Ну, тогда прикончим ее, когда вернешься из Нижнего, – предложил Потапчук, пряча фигурный сосуд в один из шкафчиков.

– Откуда вернусь? – переспросил Глеб.

– Из Нижнего Новгорода, – сказал Потапчук и, отпив из чашки, покачал головой. – Заговорились мы с тобой. Кофе совсем холодный, зря варил.

– Да мне уже и без кофе спать не хочется, – кивнул Глеб. – Я не ослышался? Я еду работать в Нижний?

– Да, – кивнул Потапчук, отводя взгляд.

– Но это же...

– Потому я и выдернул тебя из твоей берлоги... – вздохнул Потапчук. – Кроме тебя, там никто не справится.

Глеб покачал головой.

– Здесь Интернет есть?

– Интернет? Конечно... – кивнул генерал Потапчук, радуясь тому, что Слепой так быстро включился в игру. – Ты что, про город прочитать хочешь?

– И про город, и про горожан... – кивнул Глеб. – Мне ведь нужно сейчас легенду придумать, чтобы туда легально, но незаметно попасть. Посмотрю, какие слеты, симпозиумы, конференции или фестивали там проходят...

– О, на фестивалях и праздниках нынешний губернатор и его друг мэр просто помешаны! Так что, думаю, что-то найдешь. А я тем временем тебе объективки на губернатора и его окружение подготовлю, – пробормотал генерал Потапчук, открывая лежавший на угловом диванчике потрепанный портфель.

– Вы что же, с собою папки притащили? – удивился Глеб. – И даже не сомневались, что я соглашусь?

– Мы слишком давно работаем с тобой в одной связке, – заметил Потапчук, доставая из портфеля несколько папок с файлами, – чтобы я забивал себе голову сомнениями. Ты иди в Интернет, а я пока помозгую, – добавил Потапчук, выкладывая папки на стол.

Квартира была однокомнатной, но просторной. В комнате, кроме дивана, стояло раскладное кресло, а в углу – компьютерный стол с современным, довольно большим монитором. Глеб вышел в Интернет и, зайдя на сайт Нижнего Новгорода, просмотрел «Новости». В ближайшее время в Нижнем должен был пройти Международный конгресс акушеров-гинекологов, состояться слет юных уфологов и съезд байкеров.

– Федор Филиппович! У вас байкеры знакомые есть? – громко спросил Глеб, не отводя глаз от экрана.

– Байкеры... – рассеянно буркнул генерал Потапчук, а когда Сиверов появился на пороге кухни, оторвался от бумаг и переспросил: – Байкеры? А зачем тебе байкеры?

– Ну, согласитесь, за акушера-гинеколога и юного уфолога мне сойти будет гораздо труднее, – улыбнулся Глеб.

– Да, а это, кстати, мысль! – сказал Потапчук. – Тут надо учесть, что губернатор в молодости и сам увлекался мотоциклами. Он и съезд этот байкерский, надо понимать, организует, чтобы авторитет свой приподнять.

– Так что, принимаем такую легенду? – спросил Глеб.

– Только машину тебе хорошую найти надо, – кивнул Потапчук и, на мгновение задумавшись, добавил: – Мой водитель, Василий, кажется, и сейчас, когда свободен, гоняет по ночной

Москве. Вот он твоих в санаторий завезет, вернется, у него и одолжим мотоцикл и кой-какую экипировку. Так, сколько тут у нас от Москвы до Нижнего?

– Четыреста километров, – подсказал Глеб.

– Многовато, – покачал головой Потапчук. – Они же на съезд каждый на своем коне помчит. Не боишься?

– А у меня что, есть выбор? – усмехнулся Глеб и добавил: – Мне не столько машина нужна, сколько предлог для того, чтобы войти в их команду. Байкеры чужаков не любят.

– Василий все сделает, – уверенно сказал Потапчук, – он там у них в авторитетах ходит.

– Это весьма непросто... – пожал плечами Глеб. – Ведь мне нужно стать своим среди чужих.

– Скажем, ты журналист, готовишь серию репортажей для... ну, «Московского комсомольца», хочешь, как говорится, все прочувствовать на своей шкуре... – предложил Потапчук.

– Давайте попробуем. Только удостоверение и все прочее нужны не липовые. Чтобы, если что, и губернатору мог их показать, – попросил Глеб.

– Это завтра с утра сделаем, – кивнул Потапчук, опять углубляясь в бумаги.

Сиверов покачал головой, вернулся в комнату и еще раз пробежал глазами сообщение о съезде байкеров. Выезжают они послезавтра рано утром. То есть время на подготовку и осмысление информации и даже тренировку есть. Просматривая текущую информацию по Нижнему Новгороду, Глеб ощутил, что идея с байкерским съездом нравится ему все больше и больше. Байк обеспечит ему необходимую мобильность, а байкерская униформа – кожаная куртка-косуха и краги – сделает его практически неузнаваемым. Попробуй выдели его из тысячи приехавших на фестиваль байкеров.

Он уже собирался уйти из нижегородского сайта, но тут его внимание привлекла одна весьма любопытная фраза: «На президентских выборах 2008 года Нижегородская губерния вошла в пятерку регионов с наибольшим процентом голосов в поддержку Зюганова (КПРФ) и в десятку с наименьшим процентом голосов в поддержку Медведева, хотя в 1990-х годах Нижегородская область не входила в так называемый “красный пояс”».

Глава 3

Виктория Львовна Линькова и в свои пятьдесят выглядела попросту превосходно с ее аккуратно подведенными ясными голубыми глазами, модно зачесанными волосами и, главное, гордой, почти балетной осанкой. И секрет этого, как она сама полагала, крылся не только в генах, но и в том, что она с юных лет приучила себя жить только сегодняшним днем. Она никогда не терзала душу тяжелыми воспоминаниями (ведь в прошлом ничего не изменишь) и несбыточными надеждами (ей хватало вполне реальных планов). Линькова была женщиной не только красивой, но и умной, она еще в девяностых годах успела стать кандидатом философских наук. И когда она, поцокивая каблучками, проходила по коридорам МГУ на очередную свою лекцию или семинарские занятия, ее коллеги-преподаватели и студенты, как замороженные, шеи сворачивали, глядя ей вслед. У Линьковой было одно несомненное преимущество перед всеми красавицами, даже перед всемирно известными моделями: она была настолько миниатюрной, что рядом с нею любой, даже невысокий, мужчина чувствовал себя не мальчиком, но мужем. И когда после защиты кандидатской диссертации Линькова начала стремительно делать карьеру, став сначала заведующей кафедрой, а вскоре затем заместителем декана одного из самых престижных факультетов, все приписали это не ее деловым, а чисто женским качествам. А когда потом она еще стала и одним из партийных лидеров, депутатом, начала постоянно мелькать на телеэкране в обществе самых высокопоставленных чиновников... В общем, Линькова, которую в студенческие годы называли Дюймовочкой, сама того не желая, оказалась не только в самых верхних эшелонах власти, но и в круговерти невероятных слухов. Поговаривали, что с мужем, который еще со студенчества пылинки с нее сдувал, она теперь не живет, что у нее есть шикарная квартира где-то на Арбате, но кого она там принимает, есть тайна за семью печатями.

Виктория Львовна обо всех этих слухах-сплетнях знала. Муж, которого она искренне любила, был по специальности радиофизиком и действительно сейчас жил не с нею, а в США, где читал лекции в одном из университетов, в котором, идя по стопам отца, учился их сын. Линькова и сама бы с удовольствием поехала к ним, но она понимала, что коридоры власти – это лабиринт, однажды ступив в который просто так не выберешься.

Она бы, наверное, извелась от тоски, если бы еще в юности не научилась гнать подальше всякую хандру и с улыбкой принимать те условия игры, которые предлагает жизнь. Но, как вскоре оказалось, людям, которые не устают улыбаться, судьба предлагает все новые и новые испытания.

И вот теперь, вместо того чтобы отправиться в долгожданную командировку в Штаты и встретиться наконец с мужем и сыном, она вынуждена была лететь совсем в другую сторону, на Кипр, где поздней осенью отдыхают разве что какие-нибудь мафиози и ожидавшие все лето скидок продвинутые новые русские пенсионеры. Самым неприятным было то, что летела она туда не одна, а с туповатым охранником Серегой, которому, как она поняла, было поручено глаз с нее не спускать.

Даже здесь, в самолете, ей без него и в туалет нельзя сходить. Он, видите ли, должен ее сопровождать. Раньше бы она возмутилась, попросила оставить ее в покое, но после того, как в аэропорту перед самым отлетом какой-то явно подкупленный привокзальный пацаненок чуть было не подложил ей в багаж наркотики, она если и возмущалась, то лишь про себя. Летела она под чужим именем, по поддельному паспорту, но все равно чуть ли не кожей ощущала, что ей не удалось сбить преследователей со следа. Подумав об этом, Линькова открыла глаза и окинула салон самолета пристальным, тревожным взглядом.

– Не волнуйтесь, Виктория Львовна, – тихо сказал Серега, который, как ей казалось, мирно дремал рядом. – Поверьте, ничего плохого с вами не случится.

Виктория Львовна, ничего не ответив, вновь прикрыла веки. Еще и того ей не хватало, чтобы этот Серега спал с нею в одном номере.

На Кипр они летели через Париж. Опять же, чтобы запутать следы, в Париже на ее имя в одном из отелей даже был снят номер. Но они с Серегой побыли во французской столице недолго и в Ларнаку полетели уже по другим паспортам.

И опять Линькова попыталась задремать, но не сумела, потому что у нее внутри все сжималось от тревоги и нехороших предчувствий. Не везло ей с Кипром. Когда-то в молодости они с мужем мечтали отдохнуть именно на Кипре. В телепередачах, на рекламных проспектах остров смотрелся настоящим раем, но когда она несколько лет назад впервые попала туда летом на международную конференцию по гендерной политике, то подумала, что с ума сойдет от жары. А теперь и вовсе летит на остров осенью, когда, само собой, никакого удовольствия не получишь. Ни книг с собою прихватить не успела, ни фильмов любимых. Все, что остается, – закрыться в номере да отоспаться, потому что впереди, как она уже успела понять, ей предстоит еще те испытания.

Когда ее вызвали, как раньше говорили, навверх и, не спрашивая ее согласия, попросту поставили перед фактом: есть мнение, что она должна возглавить одну из самых престижных российских областей, Линькова поняла, что это дело решенное. Кокетничать, говорить «я подумаю», по меньшей мере, глупо. И она лишь тяжело вздохнула и спросила: «Когда?» Говоривший с ней чиновник тоже вздохнул, только облегченно, и предложил: «Кофе? Чай?» – «Налейте минералки», – сказала она, кивнув на стоявшую на столике пластиковую бутылку. «Как только так сразу, – проговорил он и добавил: Само собой, пока что об этом никто не должен знать, даже ваши родные». – «А что, у вас уже мужчины кончились?» – не удержалась Виктория Львовна. «Нам нужна новая, неожиданная фигура, абсолютно никак не связанная с прошлой властью». – «Насколько я знаю, – осторожно сказала Виктория Львовна, – тот, кто сегодня возглавляет губернию, крепко стоит на ногах. И вот так сразу поставить его перед фактом...» – «Эти вопросы будут решены без вас. У вас будет новая, свежая команда. А пока что главное – чтобы информация раньше времени не просочилась». Но уже вечером она почувствовала, что за ней начали следить. А уже через день, когда она утром вышла из подъезда и направилась к ожидавшей ее машине, прямо во дворе ее чуть было не сбил мотоциклист. Если бы в последний момент она случайно не поскользнулась, то наверняка бы погибла.

Что и говорить, возглавить область, столица которой претендует на звание третьего по значению после Москвы и Питера общезначимого центра страны, – это не шутки.

Неизвестно чем руководствовались те, кто предложил ее кандидатуру на пост губернатора. Разве что тем, что, когда в 2005 году открывали храм Иоанна Предтечи, именно она присутствовала на торжествах вместе с Зурабом Церетели, который отлил уменьшенную копию памятника Минину и Пожарскому с Красной площади.

Это очевидно, что сильные мира сего, точнее, мужчины, которые считают себя сильными мира сего, будут вести за ее спиной свою игру. И им надо, чтобы им не мешали. Они уверены, что госпожа Линькова, как женщина умная, ни за что не будет ввязываться в их разборки.

– Виктория Львовна, подлетаем, – сказал Серега, слегка тронув ее за плечо.

Линькова недовольно дернулась. Она сама не могла понять почему, но Серега ее раздражал. В его пристальном внимании и излишней опеке она чувствовала что-то неискреннее и, может быть, даже опасное. Но, хочешь не хочешь, ей придется его терпеть.

Вместо трех часов, которые они бы провели в полете, если бы летели прямым рейсом из Москвы в Ларнаку, они, сделав крюк в Париж, добились до места посадки в два раза дольше. Время на Кипре всего на час отставало от московского, и это был огромный плюс. Виктория Львовна надеялась, что они доберутся до отеля засветло.

Однако осень диктовала свои условия. Когда они на такси добрались до отеля, расположенного почти у самого берега моря, начало смеркаться и все побережье заиграло разноцветными огнями. Было слышно, как настраивают свои инструменты музыканты.

– Мой номер рядом, – сухо сказал Серега, когда они поднялись на второй этаж, – но вы, пожалуйста, не отключайте мобильник. Вы должны все время быть на связи. И если захотите пойти куда-нибудь, обязательно мне сообщите.

– Я поняла, – так же сухо, не скрывая недовольства, кивнула Виктория Львовна.

Она протянула руку, чтобы взять ключ от своего номера, но Сергей сам открыл дверь и, поставив ее чемодан у входа, зажег свет и внимательно осмотрел номер, не забыв заглянуть в ванную, туалет и шкафы.

Виктория Львовна лишь скептически повела плечами. Номер был просторный, с огромной мягкой, застеленной белым покрывалом постелью. За такими же белыми шторами скрывались огромное, во всю стену, окно и ведущая на балкон дверь. Окно выходило прямо на море. И Линькова с радостью поняла, что вместо колыбельной будет слушать шум прибоя.

– Жаль, что не поплаваешь, – вздохнула она.

– Здесь неподалеку прекрасный аквапарк, – со знанием дела сказал Серега.

– Вы что, здесь уже были? – удивилась Виктория Львовна.

– Да, – кивнул Серега.

– Отдыхали, что ли?

– Нет, работал.

– Кем? – спросила Линькова.

– Как и теперь, охранником, – ответил Серега.

– И кого вы охраняли?

– На этот вопрос я не отвечаю, – холодно ответил Серега.

– Понятно, – кивнула Линькова и, видя, что Серега не торопится уходить, вздохнув, добавила: – Я очень устала. Хочу принять душ и лечь спать.

– Да. Я уже ухожу, – кивнул Серега и тут же спросил: – А ужинать что, не будете?

– Да здесь фруктов хватает, – сказала Линькова, кивком головы указав на стоящую на прозрачном журнальном столике вазу с апельсинами, яблоками и виноградом. – Сегодня, думаю, обойдусь без ужина. Спать очень хочу.

– Понял, – кивнул Серега. – Не забудьте закрыть дверь. Доброй вам ночи. И когда проснетесь, звоните.

– Доброй ночи! – кивнула Линькова и добавила: – Спасибо вам!

Когда Серега вышел, она заперла дверь, оставив ключ в замке, села на кресло у столика и отщипнула несколько ягод винограда. С улицы доносились не только звуки прибоя, но и приятная инструментальная музыка. Если бы она приехала одна, то обязательно спустилась бы вниз, в ресторан, и потанцевала. И фокстрот, и танго, и сиртаки... Виктория Львовна почти не пила спиртного, но танцевать очень любила. Вздохнув, она огляделась по сторонам. Нужно было разбирать вещи, принимать душ и отдыхать. Прямо напротив кровати на стене висел большой плазменный экран. Так что, если не будет спать, можно будет хотя бы посмотреть телевизор. На Кипре, как ей рассказывали, по ночам показывают неплохую эротику.

Виктория Львовна достала из чемодана свой ноутбук. Одним из пунктов плана конспирации, который ей предложили еще в Москве, была электронная переписка. Те, кто отправил ее на Кипр, почему-то были уверены в том, что ее электронный почтовый ящик давно взломан и вся ее переписка просматривается. А это был идеальный способ пустить недоброжелателей по ложному следу. Виктория Львовна уселась поудобнее и открыла свой электронный почтовый ящик. В нем, как всегда, лежало короткое письмо от сына: «У нас все нормально. Целуем. Пиши». К письму прилагались несколько новых фотографий. Они с отцом у водопада, среди

каких-то экзотических растений... Надо полагать, на выходные опять ездили в какой-то национальный парк.

Муж вообще редко писал. Только изредка позванивал. А сын, как всегда, козырял лаконичностью. Они были уверены в том, что Виктория Львовна находится в Москве. Занимается своими депутатскими делами, читает лекции, пишет статьи. Виктория Львовна на минуту задумалась и написала так, чтобы не нарушать свой обычный стиль: «Привет вам из осенней Москвы! Получила ваши фотографии и по-доброму вам позавидовала! Вы там все в шортах ходите, а мы уже натянули куртки и шапки. В Москве холодно, дождливо и сыро. По вечерам на улицу не выйти. Хорошо, что лекции мне поставили по субботам в первую смену. А то вечером даже из машины до подъезда дойти боишься... Сейчас вот сижу, кутаюсь в плед и все равно дрожу от холода». Она чуть помедлила и дописала: «Мечтаю, когда смогу вас увидеть живую! Ваша жена и мама».

Отправив письмо, Виктория Львовна распаковала чемодан, развесила платья и костюмы на вешалки, сняла туфли, надела тапочки. Потом пошла в душ, где стояли резиновые тапочки, висели новенький белый махровый халат и два полотенца, а у зеркала на полочке лежали нераспакованные щетка, мыло, паста и резиновая шапочка.

Зеркало в душе было на всю стену, и Виктория Львовна помимо воли взглянула в него и едва не вскрикнула. На пороге стоял Серега и без всякого смущения разглядывал ее.

– Это еще что такое! Как вы вошли?! Выйдите немедленно! – закричала Виктория Львовна.

– Конечно, – бесстрастно бросил Серега и, наконец отвернувшись, добавил: – А вы чудесно выглядите, Виктория...

– Виктория Львовна, – уточнила Линькова, задернув наконец занавеску.

– Ладно, если у вас все в порядке, я пошел, – сказал Серега со вздохом. – А то я стучу, стучу, а мне никто не открывает. Если понадобится, я за стенкой.

Виктория Львовна дождалась, когда хлопнула дверь, и, накинув полотенце, вышла в комнату и проверила входную дверь. Она была заперта. Только ключ не торчал в двери, а лежал на тумбочке при входе.

Значит, у Сереги есть отмычка или ключ и он может войти в ее номер в любое время дня и ночи. Это ей совсем не нравилось.

Виктория Львовна просмотрела список телефонов отеля и набрала номер, возле которого было указано по-английски: «Ужин, кофе, чай в номер».

– Хэллоу! – послышался приятный мужской голос.

– Принесите, пожалуйста, в 12-й номер чай, зеленый, с лимоном, – проговорила Виктория Львовна по-английски.

Через пару минут в дверь постучали.

– Кто там? – спросила Виктория Львовна по-русски.

– Ваш чай! – ответили за дверью по-английски.

Но, открыв дверь, Виктория Львовна с удивлением увидела, что за спиной молодого человека с подносом, на котором стояли чайничек, чашка и тарелочка с безе, возвышается все тот же Серега.

– Проходите, – пригласила она официанта.

Серега вошел за ним.

– Вы тоже хотите чаю? – скептически спросила Виктория Львовна. – Но я только одну порцию заказала.

– Нет, – сухо сказал охранник, – но я просил вас никому без меня не открывать.

– Что, мне даже чаю выпить нельзя? – недовольно пожала плечами Виктория Львовна.

– Лучше бы вам без меня не пить, – сказал Серега и, взяв с поставленного на столик подноса чайник, приподнял крышку и принялся.

Официант, не понимавший, что происходит, и, очевидно, ожидавший оплаты, застыл посреди комнаты.

Виктория Львовна достала пару долларов и протянула их ему, сказав по-английски:

– Спасибо, вы можете идти.

– Сэнкью, – поклонился официант и вышел.

– Ну что вы там вынюхали? – не скрывая скепсиса, спросила Линькова у Сереги.

– Вы не хорохорьтесь, – строго сказал Серега, – я отвечаю за вас. И если вы улетели за сотни километров от Москвы, это совсем не значит, что вы находитесь в полной безопасности.

– Я это уже поняла, – кивнула Виктория Львовна и сухо добавила: – Однако самая большая опасность сейчас, как мне кажется, исходит от вас, Сергей. Я могу выпить чаю и подумать?

Сергей кивнул и, направляясь к двери, буркнул:

– Доброй ночи. Запирайтесь.

Когда он вышел, Линькова захлопнула дверь, повернула два раза ключ и оставила его в двери. Потом подумала и подкатила к двери одно из кресел. Во всяком случае, теперь, если кто захочет войти в номер, она это услышит.

Потом она вернулась к столику, налила себе чаю, села в кресло и сделала несколько глотков. Чай был необыкновенно ароматный, чуть терпкий, именно такой, как она любила. Надо сказать, что Линькова уже несколько лет как отказалась от кофе и даже черного чая. Она теперь даже корила себя за то, что по молодости, уступая мужу и своим коллегам, слишком часто пила крепкий кофе и сладкий черный чай, поскольку была убеждена в том, что именно из-за этого у нее теперь так скачет давление. А зеленый чай успокаивает и нервы, и внутренние органы, канцерогены выводит. И на давление никак не влияет.

Поставив на стол опустевшую чашку, Виктория Львовна выключила свет. И тут же услышала легкий стук в дверь и Серегин голос:

– Простите, Виктория Львовна, вы уже легли спать?

– Да... – проворчала она и действительно легла на кровать, взяла пульт и уже хотела включить телевизор, как за дверью, а потом за стеной послышался звонок Серегина мобильного – какой-то бодрый марш.

Виктория Львовна встала, приоткрыла балконную дверь, с удовольствием вслушиваясь в шорох прибора.

Между тем с соседнего балкона послышался знакомый Серегин бас. Виктория Львовна прислушалась.

– Але! Слушаю! Да, товарищ генерал!

– ...

– Конечно на Кипре, со мной, через стенку, в соседнем номере. Где же ей еще быть! Попила чаю и легла спать.

– ...

– Не понял! Этого не может быть! Не могла она сегодня писать письма из Москвы. Может, это старое ее письмо. Пусть они дату хорошенько перепроверят. Если бы даже она очень хотела, она не может так быстро долететь до Москвы.

– ...

– Ну, может, за нее кто-нибудь письма пишет. Или они что-то почуяли.

– ...

– Я все понимаю. И жду ваших дальнейших указаний.

– ...

– А это обязательно? Ну попробую... Хотя мне легче было бы ее просто убрать. Слушаюсь, товарищ генерал!

Виктория Львовна, поняв, что разговор окончен и ничего больше она не услышит, вернулась в комнату и села на кровать. Недаром Серега ей с самого начала не нравился. Судя по раз-

говору, получалось, что он держит отчет перед каким-то товарищем генералом, который дает ему указания. Но ведь те, кто заботился о ее безопасности, послали его сюда лишь в качестве охранника. Какие же могут быть еще указания? Значит, все-таки этот Серега ведет двойную игру, служит еще кому-то, то есть потенциально опасен. Особенно ее поразила фраза «...мне легче было бы ее просто убрать». Она отлично понимала ее значение и не питала сомнений в том, что разговор шел о ней. И, судя по услышанному, «товарищ генерал» приказал Сереге (ведь генералы именно приказывают) сделать что-то, что хуже убийства.

У Виктории Львовны теперь было одно желание – сбежать куда подальше. Но это было никак невозможно. Связи с теми, кто заботился о ее безопасности, у нее не было. И попросить, чтобы ей заменили охранника, невозможно. Значит, придется подыгрывать этому Сереге, притвориться, что она ему полностью доверяет, пытаясь при этом просчитывать его действия на несколько ходов вперед.

Виктория Львовна включила телевизор. Шла какая-то американская комедия. Виктория Львовна вообще не любила американское кино, считая его фастфудом культуры. А здесь, на Кипре, да еще после всего только что услышанного, тупые шутки и этот глупый смех ее попросту раздражали. Ведь два толстяка, которые, надо понимать, и были главными героями, говорили исключительно о том, что находится ниже пояса. Виктории Львовне вдруг показалось, что она ошиблась дверью и вместо женского вошла в мужской туалет.

Она переключила несколько каналов и, не найдя ничего интересного, выключила телевизор. Однако уснуть так и не смогла. Как только она закрывала глаза, ей казалось, что кто-то ходит в коридоре у ее двери, пытается ее приоткрыть. И хотя она отлично понимала, что придвинутое к двери кресло не даст никому возможности войти в ее номер бесшумно, ей было по-настоящему страшно. Поняв, что уснуть ей не удастся, Виктория Львовна встала с кровати и опять открыла ноутбук.

В почте был ответ от сына. Он писал, что они с отцом собираются на зимние каникулы приехать в Москву: «Как он говорит, если Магомет не идет к горе, то гора идет к Магомету». Виктория Львовна улыбнулась и написала: «Я рада, что жизнь в Америке не убила в вас чувство юмора».

Потом вздохнула и набрала название города, в котором, надо понимать, ей придется встречать Новый год. И мужа с сыном, если они приедут на каникулы. Будь это в советское время, их туда могли бы и не пустить. Нижний Новгород, когда он был Горьким, был, считай, закрытым городом. И хотя теперь все секреты можно разглядеть со спутника, но секретные объекты на территории области, надо понимать, все еще есть. Иначе чего бы так всполошились генералы. Но ее эти объекты мало интересовали. Она вообще не любила играть в мужские игры. Пусть, если хотят, занимаются своими секретными объектами, а ей работы и так хватит. Ей интересней будет заниматься сферой образования, культуры, ну, медицинского обслуживания, благотворительностью, старикам, детям помогать.

Линькова просмотрела сайты нижегородских газет и зацепилась за небольшую статью «Хокку на три буквы». Журналистка Семечкина возмущалась поведением некоего бизнесмена Пышкина, который взял в аренду на 50 лет один из исторических домов на Большой Покровской и, сделав евроремонт, открыл там японский ресторан с поэтическим названием «Хокку». А когда представители комиссии по сохранению исторического наследия попытались объяснить ему, что дом является памятником культуры и требует реставрации, он послал их на три буквы, сказав, что все согласовано с мэрией и у него есть весьма солидные покровители.

Журналистка даже обратилась за комментарием к кому-то из мэрии. И получила «достойный» ответ. Некто Рыбин заявил: «На сегодняшний день около 7,2 тысячи нижегородских семей проживает в домах старой малоэтажной постройки, которые составляют 1,6 % от всего имеющегося жилого фонда. Дома, которые представляют собой музейную ценность, планируются оставить, а остальные будут ликвидированы до 2012 года. Но если найдутся такие

меценаты, как господин Пышкин, которые смогут дать новую жизнь старинным зданиям, многие из уникальных памятников будут сохранены».

Все это было так знакомо! Подобных жалоб на то, как далеко не по назначению используются уникальные музейные строения, Линькова начиталась еще в Москве. Люди писали об этом из многих мест бескрайней России. И за всем этим безобразием стояли подкупленные бизнесменами местные чиновники, которые раздавали в аренду даже уникальные памятники национальной культуры, имея с каждой сделки немалую выгоду.

Линькова вернулась на страницу «Википедии» и попыталась освежить в памяти кое-что из нижегородской истории. Ведь легче всего будет подобрать ключ к сердцу простых граждан как раз через историю. Чехов был абсолютно прав, утверждая, что русские обожают свое прошлое, ненавидят настоящее и боятся будущего. Правда, Никита Михалков весьма точно продолжил эту мысль: настоящее очень скоро делается прошлым, а будущее – настоящим.

Еще Пушкин свидетельствовал:

*Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.*

Пробежав глазами последние строчки статьи, Линькова выключила ноутбук, отложила его в сторону и со вздохом облегчения вытянулась на кровати.

Глава 4

Рейс из Москвы из-за тумана задерживался, и Артур, понимая, что ему предстоит не просто встретить высокого московского гостя, но выдержать весьма трудное испытание, прокручивал в памяти все, что произошло с ним за последние сутки. Вчера после происшедшего в банке ему пришлось давать показания в качестве свидетеля, и, когда он появился на работе, господин Глухов был, как говорится, на взводе. Вместо того чтобы вызвать Артура к себе, он сам влетел к нему в кабинет и, нервно прохаживаясь туда-сюда, закричал:

– Ты что себе позволяешь?! Я ясно тебе сказал: на работе ты должен быть ровно в девять! И это крайний срок! Я дал тебе машину, квартиру, деньги! Чтобы ты находился на рабочем месте от звонка до звонка!

– Но я же предупредил вас, что я в банке «Омега». По делам, – отозвался Артур Сливин, пряча пальто в шкаф и стараясь не выдать волнения.

– Все дела можно было сделать максимум за час! А сейчас уже обед будет! – кричал Глухов, наливаясь краской.

– Но там же в приемной никого нет, – попытался защититься Артур Сливин.

– Нет, потому что я всех отправил!

– Зачем? – удивился Артур.

– Потому что у нас с тобой сейчас есть более важные дела!

В дверь осторожно постучала и заглянула секретарша Лиза.

– Михаил Михайлович, вы просили дозвониться до Роберта Викторовича из банка «Омега», но ни один из его телефонов не отвечает...

– Звоните еще! Достаньте мне его хоть из-под земли, но достаньте!

– Хорошо, – кивнула Лиза, подернув плечиком, и вышла в коридор.

– Она вряд ли дозвонится до Роберта Викторовича, – проговорил Артур, перекладывая папки на своем столе.

– С чего ты это взял?!

– В него сегодня стреляли. Еще неизвестно, выживет ли...

– А ты откуда знаешь?!

– Я там был! – уже тверже сказал Артур.

– Так чего ж ты молчишь?!

– Но вы же набросились на меня, слова сказать не даете!

– Кто стрелял? Почему?

– Клиент какой-то. В рыжем парике.

– Его поймали?

– По-моему, нет, он скрылся. Я тоже показания как свидетель давал...

– Пошли ко мне, свидетель! – вздохнув, приказал Глухов.

Когда они проходили через приемную, Лиза сосредоточенно жала на кнопку телефонного аппарата.

– С Робертом отбой! – сказал Глухов. – Звони кому-нибудь еще из руководства «Омеги» и проси срочно приехать.

Когда они вошли в кабинет Глухова, тот показал Артуру на стул, сам сел за стол и, опять вздохнув, пробурчал:

– Деньги где теперь брать, хрен его знает!

– А что, срочно деньги нужны? – поинтересовался Артур.

– Да ладно, это уже дело второе, – махнул Глухов рукой.

– А что первое?

– Кое-кто к нам из Москвы прилетает. Человечек один очень важный. И мы его принять должны по высшему разряду, – заявил Глухов.

– А я что должен делать?

– Ты? Ты, Артурчик, все делать должен!

– А поточнее можно?

– Все как всегда – рыбалка, охота, баня, девочки...

– Так вроде не сезон же...

– Для таких, как наш московский гость, сезон наступает, как только он берет в руки ружье или удочку! Рыба сама к таким, как он, на крючок запрыгивает!

– Это, наверное, с егерями или с кем-то еще договариваться нужно... Но я здесь еще никого не знаю... – стушевался Артур.

– Ты же мой помощник! Вот и крутись! А ты думал, что я тебе квартиру, машину и все такое просто так за красивые глаза выдал? Хочешь жить – умей вертеться!

– Нет, но я думал, что мне в основном с документами работать придется...

– И с документами, и с человечками разными. Ты же молодой!

– А когда он, этот ваш важный человек, прилетает?

– Завтра!

– Завтра?! – прошептал Артур, не скрывая растерянности.

– Что, испугался?!

– Но я не представляю себе, как можно за сутки подготовить все то, что вы хотите?

– Можно, – многозначительно кивнул Глухов.

– А кто этим до меня занимался? – сообразил спросить Артур.

– Да был у меня один... Некто Юрков. Здорово все проворачивал. Но... болтать много стал. Пришлось отправить в отставку.

– Но он мог бы хотя бы подсказать мне, к кому обратиться, с кем созвониться...

– Ну да, ну да... За отдельную плату... – задумчиво проговорил Глухов и добавил: – Он, конечно же, введет тебя в курс дел. Но он не должен знать ни кто приезжает, ни когда. Да и адресов минимум по два у него возьмешь. И договоришься по двум адресам. А куда поедем, решим по ходу. Хотя... я думаю, мои люди Юркову хорошо мозги прочистили. Он больше болтать не будет.

– Так как ему позвонить?

– Не надо звонить. Он сам сейчас появится, – сообщил Глухов, и буквально через мгновение у него на столе зазвонил телефон и послышался звонкий голос Лизы:

– Здесь Юрков пришел.

– Пусть войдет.

Послышался осторожный стук, и в дверь вошел седой, изрядно потрепанный жизнью, невысокого роста человек в сером костюме и при галстук.

– Можно, Михал Михалыч? – робко спросил он, едва справляясь с волнением.

– Заходи, Юрков, – кивнул Глухов и, встав, пожал ему руку.

Юрков кивнул и вопросительно взглянул на Сливина.

– Это Артур, твой преемник, – представил Глухов.

Юрков протянул Артуру руку и, поклонившись, представился:

– Юрков.

– Очень приятно, Артур.

– И мне очень приятно, – кивнул Юрков и опять вопросительно посмотрел на Глухова.

Глухов кивнул на стул и предложил:

– Садись, Юрков.

– Спасибо, – кивнул Юрков, присаживаясь поближе к столу и все так же вопросительно глядя на Глухова.

– Ну, как живешь? – спросил Глухов.
– На пенсию, – пожал плечами Юрков.
– Подзаработать хочешь?
– А можно? – восторженно спросил Юрков.
– Нам нужна твоя помощь, – сухо сказал Глухов.
– Я весь внимание, – кивнул Юрков.
– Введешь Артура в курс дел. Расскажешь, где можно организовать баньку, где девочек найти, охота, рыбалка и так далее по списку, – сухо приказал Глухов.
– Что, может, кто-то приезжает? Из Москвы? – поинтересовался Юрков.
– Нет! – резко отрезал Глухов. – Когда приедет, поздно будет. Артур должен заранее быть готов к встрече любого гостя.

– Но если что, я ведь тоже могу помочь! Если срочно кого-то встретить нужно... – заискивающе проговорил Юрков.

– Ты уже свое отвлечал. Давай делись информацией! – строго сказал Глухов.

– Но я записи свои дома оставил... – пошел было на попятную Юрков, однако Глухов пододвинул к нему телефон и рявкнул: – Не юли! Я же знаю, что ты все наизусть помнишь! Давай звони по своим телефонам и предупреждай, что теперь новый человек с ними на связи будет, Артур. И Артуру все расскажи.

– Может, мы в другой кабинет пойдём... – предложил Юрков. – Чтобы вам не мешать...

– Нет, все здесь и сейчас! – стукнул кулаком по столу Глухов и, положив перед Юрковым увесистый конверт, сказал: – Это задаток. А когда Артур пару встреч сам проведет, я тебе еще доплачу.

Юрков сокрушенно вздохнул и, спрятав конверт во внутренний карман пиджака и поправив галстук, приступил к инструктажу. Адреса и телефоны, имена тех, с кем стоит в первую очередь связываться, сыпались из его рта как из рога изобилия, и Артур напрягал все свои силы, стараясь записать их, ничего не упустив.

Глухов, делая вид, что изучает что-то в своем ноутбуке, краем глаза следил за ними. Наконец Юрков, пожав плечами, сказал:

– Ну вот, пожалуй, и все... У каждого гостя, правда, были свои пристрастия... Но...

– С этим мы сами разберемся! – сказал Глухов, давая понять, что больше в его услугах он не нуждается.

– Ну, как знаете, – чуть обиженно пробормотал Юрков и, пожимая руку Артуру, сказал: – Если что, звоните. Вот моя визитка. Там и домашний, и мобильный телефоны.

Артур кивнул и взглянул на визитку. Там красивыми золотыми буквами было написано: «ЮРКОВ Тимофей Глебович, помощник губернатора Нижегородской области».

– Всего доброго! – кивнул Юрков и, перешагнув порог кабинета, осторожно прикрыл за собой дверь.

– Заметил, как он хотел узнать, кто и когда ко мне прилетает? – спросил Глухов.

Артур пожал плечами.

– Смотри не проговорись. Люди, с которыми ты будешь созваниваться, уже предупреждены. Они болтать не будут. Но, как я тебя и просил, на всякий случай договорись в двух лесных хозяйствах на охоту, в двух местах на рыбалку...

– Две бани, – продолжил Артур и спросил: – А как же быть с девочками?

– С этим потом разберемся... – махнул рукой Глухов. – Что вот нам с деньгами делать? С Робертом просто все было. Он по первому зову тащил все, что от него требовалось. И главное, язык умел за зубами держать. А новые люди... Ну ладно, это моя проблема. А ты, главное, обговори, сколько что будет стоить, и попроси завтра всех ждать в готовности номер один.

Когда Артур уже из своего кабинета обзвонил всех, кто, надо понимать, отвечал за «культурную программу» чиновников высшего ранга, ему захотелось подойти к умывальнику и вымыть с мылом руки.

Особенно противно стало, когда один из банщиков каким-то скользким голоском профальцетил:

– А вам, молодой человек, девочку тоже пригласить? Вы брюнеток или блондинок предпочитаете? Или, как Юрков, главное, чтобы грудки, как у Семенович?

Артур промычал что-то невнятное, кривясь от омерзения.

Рейс задерживался, а Глухов звонил все чаще. Его голос уже то и дело срывался от волнения. И, похоже, не только из-за задержки рейса.

Артур встречал гостя из Москвы один, на своей машине. Как он понял, чтобы не возбуждать излишнего ажиотажа. Прилетевший, как ему объяснил Глухов, сам должен был подойти к его автомобилю. Ему, очевидно, передали и марку, и номер.

Артур, когда узнал, что рейс задерживается, направился в аэропорт, поскольку там, где он припарковался, было плохо слышно объявления рейсов и он боялся пропустить сообщение о прилете высокого московского гостя.

Когда наконец объявили, что самолет Москва— Нижний Новгород приземлился, Артур поспешил к машине, но не прошел и нескольких шагов, как его тронул за плечо один из охранников Глухова и, ничего не объясняя, кивнул головой в сторону стоявшего чуть поодаль серебристого джипа.

Шофер распахнул передние двери. Артур, еще не понимая, что происходит, заглянул в салон, увидел на заднем сиденье Глухова, очень напряженного и встревоженного, кивнул, хотел что-то спросить, но Глухов его опередил:

– Садись. Гостя сейчас сюда приведут.

– А моя машина? – спросил Артур.

– Дашь ключи охраннику. Он ее пригонит, – сухо сказал Глухов.

Действительно, через несколько минут вернулся охранник, и с ним пришли еще двое в штатском, но явно с военной выправкой.

Глухов распахнул дверцу и хотел выйти, но один из московских гостей, оглядевшись по сторонам, сделал знак не выходить и сам сел в машину, бросив на ходу:

– Салют, Глухов!

– Приветствую вас, товарищ генерал, – отозвался Глухов незнакомым тревожным голосом.

Рядом с шофером сел еще один гость из Москвы.

– Это мой охранник, Ваня, – сказал генерал. – Пусть с нами едет.

Артур отдал ключи от своей машины охраннику Глухова.

– Встретимся у меня, – сказал ему Глухов.

Шофер завел мотор и уже вывернулся с парковки, когда послышался взрыв. Артур повернул голову и понял, что взорвалась его машина, та самая, в которой он должен был доставить генерала из Москвы.

– Это моя машина... И там же... – тихо пробормотал он.

Шофер одними губами сделал ему знак молчать.

– Гони! – скомандовал Глухов шоферу.

И Артур понял, что никто не собирается обсуждать с ним взрыв его машины.

Глухов спросил у генерала:

– Плохие новости?

– Более чем, – ответил тот и добавил: – Но обо всем поговорим на охоте. Я надеюсь, охоту мне твой Юрков гарантирует? Где он, кстати?

– Я его отправил в отставку, – сказал Глухов.

– Причина? – поинтересовался генерал.

– Болтал много.

– Ну тогда да. А как же охота? – переспросил генерал.

– И охота, и рыбалка, и баня... Все будет. Как всегда. А может, и лучше, – успокоил его

Глухов. – У меня теперь новый помощник. Артур. Он все организовал по высшему разряду.

– Тогда хорошо, – удовлетворенно ухмыльнулся генерал. – Только Маргошу не забудьте пригласить.

– Ну как же мы без Маргоши. Маргоша обязательно будет, – заискивающим тоном проговорил Глухов.

Артур чуть напрягся. Он понятия не имел, кто такая Маргоша, и нужно было не забыть узнать об этом у Глухова или Юркова. Но у него из головы не шел взрыв. Мало того что он теперь остался без машины, так там, надо понимать, погиб человек, охранник Глухова, высокий темноволосый парень с сурово сдвинутыми, сросшимися на переносице густыми бровями, даже имени которого он не успел узнать.

Генерал с Глуховым говорили о погоде, о предстоящей Нижегородской ярмарке и съезде байкеров, о московских перестановках. И, как понял Артур, ни слова о том самом важном, ради чего и прилетел генерал.

– Поднимемся ко мне, – предложил Глухов, когда они притормозили на знакомой стоянке.

Каково же было удивление Артура, когда в приемной он увидел того самого охранника, которому он отдал ключи от своей машины.

Глухов первым пожал ему руку и поблагодарил:

– Спасибо. Профессионально сработал.

Глухов и московский генерал прошли в кабинет, а охранник, пожав плечами, сказал:

– Ну что, ключи теперь тебе, как я понимаю, не нужны...

– А что там такое случилось? Почему она взорвалась? И как ты выжил? – все еще не понимая, что же произошло, спросил Артур.

– Что я тебе буду объяснять. Взорвать хотели. Ясное дело, не тебя и не меня. Глухову доложили о возможной диверсии. Он подстраховался.

– Но как же машина... – растерянно пробормотал Артур.

– Да не бойся ты. Глухов тебе новую даст. Без машины ты не останешься. Нам теперь главное – этого москвича сохранить.

– Слушай, а ты, случайно, не знаешь, кто такая Маргоша? – поинтересовался Артур у охранника.

– Да знаю, конечно! Ее этот москвич сам где-то здесь вызванивает.

– Артур, где ты там застрял? – позвал его Глухов, выглядывая из кабинета.

Когда Артур вошел, генерал и Глухов сидели за аккуратно сервированным журнальным столиком и, похоже, уже выпили по рюмке коньяка.

– Артур, – кивнул Глухов, – мы прямо сейчас едем на охоту. Садись за мой стол и созванивайся, с кем ты там договаривался.

Артур вопросительно взглянул на Глухова и спросил:

– Звонить по двум адресам или сразу туда, куда едем?

Глухов на миг задумался и махнул рукой:

– Звони двоим.

Тем временем московский генерал, потягивая коньяк, пытался до кого-то дозвониться по мобильнику. Наконец ему ответили, и он буквально растаял, поплыл от удовольствия.

– Маргоша, ну куда ты пропала? Я здесь всего на день. Сейчас едем на охоту. Но я хочу тебя видеть. Да-да. Не только видеть, но и просто хочу, – проговорил генерал, чуть понизив голос.

Артур, покраснев, сделал вид, что дозванивается до охотничьего хозяйства, Глухов же отошел и отвернулся к окну.

– Можешь часа через четыре к губернатору подъехать. А можешь сейчас, возьмем тебя на охоту, научу тебя стрелять, – продолжал заигрывать генерал.

Артуру наконец ответили, и он занялся переговорами сначала с одним, а потом с другим собеседником.

Поехали они в первое из намеченных хозяйств, «Зареченское», расположенное неподалеку от знаменитого пушкинского Болдино, где поэт написал едва ли не лучшие свои стихи... Там обещали не только охоту на лис, но и старинные блюда из дичи.

По дороге генерал и Глухов опять говорили исключительно на вольные темы.

– Я хотел Маргошу с нами на охоту вытащить, – сказал генерал, самодовольно ухмыляясь.

– Ну и как она? – спросил Глухов, не скрывая интереса.

– Сказала, что накраситься еще не успела, – хохотнул генерал.

– Так она что, в баньку подрулит?

– А банька будет?

– А как же! Как всегда. С номерами.

– Ну тогда в баньку.

Он попытался дозвониться, но потом, вздохнув, пожаловался:

– Здесь уже не берет. Потом перезвоню Маргоше. Обрадую. А то я думал, без Юркова программа у тебя другая будет. Люблю приехать к тебе, развеяться.

Артур, несмотря на его молодость, неплохо разбирался в людях и чувствовал, что генерал лишь старательно делает вид, что его совсем ничего не волнует и он действительно приехал к Глухову развеяться.

Туман рассеялся, и осенний лес заиграл всеми красками. Была та пора, когда листва уже устлала землю сплошным ковром, но и деревья еще не выглядели лысыми. Поражали воображение пестрыми резными узорами клены, нежно желтели березки, не спешили расстаться со своими бордовыми монистами осины. По-богатому ягодно, предвещая морозную зиму, рдели рябины.

– Здесь, кстати, Болдино совсем рядом, – вспомнил Глухов и, обращаясь к московскому гостю, предложил: – Может, заскочим? Вы же давно собирались посетить пушкинские места. Теперь же как раз осень. Природа в самой красе...

– Заскочим... заскочим... – вдруг впад в задумчивость, пробормотал генерал. – Только в другой раз. Как-нибудь в другой раз.

– Ну в другой так в другой... – вздохнул Глухов. – Когда вас в следующий раз ждать?

– Скоро... скоро... очень скоро... – все так же задумчиво, прошептал генерал и вдруг процитировал: – «Роняет лес багряный свой убор...»

Они свернули с шоссе и по лесной дороге добрались до красивых резных ворот, у которых их ожидал пожилой, одетый в охотничьи, военного образца камуфляжные «доспехи» егерь.

– Здравствуйте, проезжайте за ворота. Там вас уже ждут, – сказал мужчина, изрядно окая.

– Сразу видно, из местных, – заметил генерал и спросил: – Как звать-то тебя, лесной человек?

– Михалыч, – ответил егерь. – Петр Михалыч.

– Ну, принимай гостей, Петр Михалыч! – произнес генерал.

– Гостям мы всегда рады, – ответил Михалыч.

Когда они приехали на территорию, генерал первым вылез из машины и потоптался, разминая ноги.

– Ну, как тут у вас жизнь? – спросил он у молодого егеря, который пригласил их пройти в напоминающий настоящую деревенскую избу охотничий домик.

– Да не балует нас небесная канцелярия; пожары пережили, теперь еще морозы предстоит пережить, вишь, как рябина рдеет, – кивнул егерь.

Внутри обстановка была тоже чисто деревенская: печка, длинный стол, вместо стульев – лавки. На стенах красовались охотничьи трофеи – волчья шкура, олени рога. На потолке висел сплетенный из веток абажур. И свет, пробиваясь сквозь ветви, оплетал комнату паутиной теней.

На покрытом белой скатертью столе стояли большая тарелка с черным хлебом, нарезанное небольшими кусочками сало с прожилками и самые разные разносолы.

– А пожары сильно вас задели? – поинтересовался генерал, глотнув водки и заедая ее огурцом и хлебом с салом.

– Да задели... Всех задели... Зверей жалко. На зиму без еды, а кто и без норы остаются. На пожарища возвращаться боятся. Будем сами им жилище подыскивать, а может, и строить. О людях-погорельцах государство заботится. А лесной живности-то никто, кроме нас, не поможет... – вздохнул молодой егерь.

– А зверья много погибло? – спросил генерал.

– Да порядком... Особенно молодежь жалко, птиц...

– Так, может, охоту стоит запретить в этом году? – спросил генерал.

– Это бы хорошо... – загорелся молодой егерь.

– Слышь, Глухов, охоту бы надо в этом году запретить! – сказал генерал, поворачиваясь к губернатору. – Ты давай тут, а я в Москве это озвучу. Надо, чтобы зверья немного развелось после таких пожаров...

– Ладно, помозгуем! – кивнул Глухов.

– И главное, птиц, птичьи гнезда чтобы не трогали! – радостно продолжил молодой егерь. – А то лес совсем глухим станет!

– Глухим! Мы ему слуховой аппарат купим! – хохотнул Глухов.

– Это как?.. – не понял молодой егерь.

– Будем всем посетителям наушники с флэшками выдавать, где голоса птиц записаны! – продолжал ерничать губернатор.

– Да будет вам! – махнул рукой молодой егерь.

– Не приставай ты к людям. Они отдохнуть к нам приехали, расслабиться! – остановил молодого егеря Михалыч и предложил гостям: – Грибочки берите, я сам опята солил.

А потом добавил:

– Я там все приготовил – куртки, сапоги. И для вас, молодой человек, найдется, – кивнул он Артуру.

Артур, который впервые приехал на охоту, вежливо поблагодарил.

– Ты выпей, закуси! – подтолкнул его к столу Глухов и, хохотнув, добавил: – Чтобы метче стрелять!

– Да, главное – ружья нам, ружья! – напомнил генерал.

– Все в полном порядке! – заверил Петр Михалыч.

– Пусть охранники, пока мы переоденемся, проверят, – строго сказал генерал.

Шофер и охранник пошли за Михалычем.

– Иди переодевайся, – строго, по-деловому сказал Глухов, и Артур понял, что им с генералом надо переговорить с глазу на глаз.

Он вышел в соседнюю комнату и принялся натягивать чуть мешковатые штаны и куртку. Но, поскольку дверь была лишь прикрыта, хотел он того или нет, услышал весь разговор Глухова с генералом.

– И что, там и правда так все серьезно? – с тревогой спросил Глухов.

– Более чем, – заверил его генерал абсолютно трезвым голосом. – Я бы не рванул к тебе, если бы не было так серьезно.

– Да, и тебя тоже пасут всерьез. Мы же перед самым твоим прилетом получили сигнал, что машину, на которой тебя встречать будут, заминируют. Тебя убрать хотели. Только не понял, местные или Москва... – с тревогой проговорил Глухов.

– Да какая разница кто, – нервно сказал генерал. – У них ведь тоже везде свои люди есть. Вон помощника тебе своего подсунули.

– Нет, здесь все чисто, – уверенно сказал Глухов. – Это Юрков им информацию сливал. А этого я на улице, считай, подобрал, он чист.

– Ну, не знаю, не знаю. Есть план... Я случайно о нем узнал... Новая власть везде расставляет своих людей. И есть план...

– Меня убрать? – уточнил Глухов.

– Нет. Не сразу. Сначала убрать всех твоих людей, здесь на месте. А уж потом, когда ты останешься один, и тебя. Уже человека на твое место нашли.

– И кто это? – спросил Глухов.

– Не волнуйся, мы его плотно ведем. И не выпустим. Есть способы сделать эту фигуру небоеспособной, или, как это теперь модно говорят, непрезантабельной...

Тут хлопнула дверь, и Артур понял, что вернулись шофер и охранник. Генерал с Глуховым тут же вошли к Артуру и тоже стали примерять охотничьи «доспехи».

Когда Артур уже выходил, Глухов не выдержал и спросил у генерала:

– Так ты хоть намекни, дама это или валет?

Генерал чуть помолчал, а потом бросил:

– Дама...

– А, ну так я ее знаю, – уверенно сказал Глухов.

– Слышь, ты, Глухов, смотри только не дури! Никакой самодеятельности! – предупредил генерал.

В этом хозяйстве, надо понимать, все было рассчитано на элитную охоту. Молча, чтобы не спугнуть дичь, побродив с гостями по осеннему лесу, Михалыч пригласил всех подняться на вышку, с которой отлично просматривалась площадка – загон, на который, очевидно, молодой егерь подогнал две лисицы.

– Не стрелять! – скомандовал генерал. – Я целюсь.

Раздался выстрел. Все глаз не спускали с действительно подстреленной с первого раза лисицей, которая, метнувшись вперед, упала на засыпанную листьями траву. Вторая лисица начала бросаться из стороны в сторону.

Артур обернулся, чтобы взглянуть на меткого генерала, и едва не обомлел. Генерал, держась за грудь, бледнел на глазах, и сквозь его пальцы сочилась кровь.

– «Скорую», врача! Срочно «скорую»! – закричал Глухов и тоже испуганно заметался по площадке.

Егерь Михалыч первым поддержал генерала и, обращаясь к охраннику, который почему-то безмолвно наблюдал за всем происходящим, попросил:

– Помоги, его вниз снести надо.

Все вместе они снесли истекающего кровью, едва слышно стонущего генерала вниз, дотащили его до вороха листьев и аккуратно положили так, чтобы голова находилась повыше. Егерь Михалыч расстегнул ему куртку и даже попытался остановить кровь. Но молодой егерь остановил его:

– Лучше не трогай. Пусть медики посмотрят. Там пуля. Пулю надо достать.

«Скорая», вызывая которую побежал в сторожку молодой егерь, приехала, когда генерал уже не дышал.

– Доктор, сделайте же хоть что-нибудь! – в отчаянии попросил пожилого медика Глухов и добавил: – Я губернатор! Я сделаю для вас все, что вы попросите! Я заплачу! Только сделайте что-нибудь! Он должен жить!

– Я, господин губернатор, вас узнал, – пробормотал пожилой врач, пытаясь нащупать пульс. – Однако, увы, медицина тут бессильна. Стреляли прицельно. Мастерски стреляли.

– Но это товарищ из Москвы... Может быть... – растерянно пролепетал Глухов.

– Милицию нужно вызывать... – вздохнул врач, складывая инструменты.

– Но вы же даже перевязки не сделали! – возмутился Глухов.

– Зачем? Ведь все равно милиция убийство расследовать будет. Им пулю извлекать придется... – пожал плечами доктор, направляясь к машине.

– Мне остановить его? – с готовностью спросил шофер Глухова.

– Не надо, – покачал тот головой и, вздохнув, добавил: – Вызывай милицию.

Только теперь Артур заметил, что охранник, с которым приехал генерал из Москвы, исчез.

Совсем некстати у генерала в кармане зазвонил телефон.

– Послушай, кто там, – сказал Глухов Артуру, доставая сигареты и закуривая.

Артур, преодолевая тошноту, нащупал у лежащего на ворохе листвы генерала во внутреннем кармане куртки мобильник и, нервно сглотнув, ответил:

– Да.

– Где ты, пупсик? Твоя Маргоша уже готова. Куда мне рулить? – беспечно прозвучал в трубке звонкий женский голосок.

– Это Маргоша, – прошептал Артур, глядя на Глухова. – Что мне ей сказать?

– Дай сюда, – сказал Глухов, забирая у Артура трубку. – Маргоша, ты? Это Глухов. Товарищ генерал погиб, его убили.

Как понял Артур, Маргоша тут же отключилась.

– Да, блин, отстрел начался, – хмыкнул Глухов, бросая мобильник на землю. – Расскажите следователям, как все здесь было, – приказал он егерю Михалычу.

– А вы? – растерянно спросил тот.

– А нам работать надо! – решительно сказал Глухов и, кивнув Артуру, приказал: – Поехали! Нас ждут великие дела...

– Но мы же свидетели... – пробормотал Артур.

– Хватит и без нас свидетелей! Нужны будем – нас найдут, – столь же решительно сказал Глухов.

– А где охранник товарища генерала? – напомнил Артур.

– Вот с этим пусть милиция и разбирается! – вздохнул Глухов.

Он настолько погрузился в себя, что даже забыл, а может, и специально не стал снимать охотничье облачение. Артур, следуя за ним, направился к машине. Шофер уже успел перенести туда из охотничьего домика их обувь и одежду.

– Ну что, Артур, страшно? – спросил Глухов, когда они выехали из леса на шоссе.

Артур, который сидел рядом с Глуховым на заднем сиденье, лишь пожал плечами.

– И это только начало, – пробурчал Глухов и добавил: – Запугать захотели! Но они меня не знают! Не на того напали!

Артур смотрел в окно и чувствовал, что играющий всеми красками осени лес теперь вызывает у него не восхищение, а страх, даже ужас. И мелькающие там и тут алые гроздья рябины казались каплями крови. Он даже слышал ее запах – сладковатый, тошнотворный запах плоти...

Глава 5

Это была последняя на сегодня экскурсия по городу, и молодой экскурсовод Алина Семечкина провела ее, как всегда, с блеском. Устроившись еще на третьем курсе подрабатывать в экскурсионное бюро, она научилась экономить силы и выкладывалась лишь на последней экскурсии. Хотя, возможно, здесь сыграли роль и восточные единоборства, которыми Алина увлеклась в последнее время.

Но ее последняя экскурсия всегда была настоящим мини-спектаклем. Алина свободно владела английским и немецким языками, а недавно начала учить еще и японский. Так что очень часто именно ее ставили обслуживать зарубежные делегации. В этот раз ее аудиторию составляли участники международного конгресса акушеров-гинекологов. И эта невысокая, темноглазая и темноволосая девушка с челкой и дерзким хвостиком, облаченная в джинсы, кроссовки и клетчатую курточку с капюшоном, обаяла их с первой минуты.

– Именно наш город, основанный еще в 1221 году, декабристы, если бы победили, сделали столицей России, – с гордостью говорила она. – Именно к нашим берегам приставали ладьи Афанасия Никитина. В XVI веке отсюда уходили на Казань войска Ивана Грозного, а Петр I праздновал в Нижнем свое пятидесятилетие. Кстати, и у Пушкина здесь неподалеку было имение. То самое Болдино.

– Пушкин, Пушкин... – оживились иностранцы.

– А почему город Нижним назвали? – спросил кто-то по-английски.

– Я отвечу на английском, – предложила Алина, – я думаю, что русские участники конгресса об этом знают. Вообще-то мнения историков по этому вопросу разделились. Однако большинство склоняется к тому, что, когда возник Нижний Новгород, уже был верхний, тот, что расположен севернее, известный всем русским как Великий Новгород. Кстати, из всех европейских приречных городов Нижний Новгород находится выше всех...

Много чего интересного успела рассказать Алина Семечкина и на русском, и на английском. Что-то даже на японском уточнить пришлось, когда они осматривали знаменитый Нижегородский кремль на Дятловых горах. Там ведь на его территории и церковь, и картинная галерея, и концертный зал, и административные здания...

Экскурсанты остались послушать концерт, а Алина поспешила к метро. Район, в котором она жила, был не совсем благополучный и по вечерам ходить там было страшновато. А поскольку была осень и смеркалось рано, она хотела успеть до того, как у подъездов начнут собираться теплые компании.

Но метро, как назло, не работало. Что-то там случилось на станции. И люди пытались втолкнуться в автобусы и троллейбусы. Алина Семечкина тоже попыталась штурмовать один из автобусов, но потом махнула рукой и пошла пешком.

Когда она наконец добралась до своего микрорайона, совсем стемнело. На улицы опустился туман, а фонари почему-то не зажигали. Дома едва угадывались по горящим окнам.

Подойдя к своему подъезду, Алина уже достала ключи, чтобы открыть кодовый замок, как вдруг из тумана вынырнули какие-то молодчики. От них противно разило пивом и дешевыми сигаретами.

– Семечкина? – спросил один из них.

Алина очень хотела сказать «Вы обознались!», но вместо этого с вызовом прошипела:

– Ну, Семечкина, и что из этого?!

И тут один из парней ухватил ее за руку. Это было уже слишком. Алина вырвалась и, собравшись, перешла в наступление. Одному она, похоже, вывернула, а может, и сломала руку, другой скорчился от боли от удара в пах, а третий сам поскользнулся и упал, да так неудачно, что рассек себе до крови ногу.

– Блин! – сказал кто-то хриплым басом и выругался. – Предупреждать же надо! Ничего себе, девочку-журналогу прочтите... Это ж не баба. Это ж зверь!

Алина уже открыла дверь, чтобы скользнуть в подъезд, но кто-то все-таки успел довольно больно стукнуть ей по голове чем-то тяжелым.

Алина поднялась на второй этаж, отперла дверь и, прокричав «Кто дома, это я!», осунулась наземь прямо в прихожей.

Когда Алина пришла в себя и открыла глаза, она обнаружила, что находится в больничной палате, а у ее постели, накинув на плечи белый халат, сидит не кто иной, как ее одноклассник Вадик Котов, который теперь учится на факультете журналистики и подрабатывает в разных скандальных газетах. Семечкина взглянула на его виноватое лицо и, вспомнив, как сражалась с какими-то молодчиками, упрямо называвшими ее журналюгой и писакой, хотя она никакого отношения к журналистике не имела, преодолевая головную боль, прошипела:

– Кот! Ты чего здесь?! Что, может, опять моей фамилией хрень какую подписал?!

– Алинка! Слава богу, ожила! – сказал Кот, зачем-то протягивая ей неочищенный апельсин. – Врач сказал, что ничего серьезного. Тебя по голове доской огрели, вот ты и потеряла сознание. Но череп не поврежден. Полежишь, и все будет в порядке... Ты им тоже порядком наkostenяляла. Они, говорят, с трудом до лавочки доползли. Соседи милицию вызвали. Их всех повязали, теперь показания дают.

– Но я все-таки из-за тебя страдаю?! – попыталась добаться до истины Алина.

– Ну, можно считать и так... – вздохнул Вадик.

– И что ты в этот раз под моей фамилией зафурычил?

– Ну, сама подумай, дом исторический, а у владельца даже охранного обязательства нет. Он там, видишь ли, ресторан открыл. Сама подумай, жар, пар, а наше наследие спасать надо...

– Спасатель, блин! – перебила его Алина.

С Вадиком они дружили еще с тех времен, как жили на одной лестничной площадке. Вадик, в отличие от Алины, которая привыкла во всем полагаться на себя, был юношей амбициозным, но трусливым. И когда его занесло на практику в одну из скандальных газет, где платили приличные гонорары, но требовали острых публикаций, он, понимая, что придется играть с огнем, ничего лучшего не придумал, как подписываться фамилией своей соседки и подруги Семечкиной. Алина к тому времени уже всю занималась восточными единоборствами и даже несколько раз давала отпор обнаглевшим подросткам, поэтому, когда Вадик поставил ее перед фактом, что самые острые свои материалы он подписывает псевдонимом Семечкина, сначала только посмеялась.

– Ты же пойми, с вас, женщин, взятки гладки. Кто будет с вами всерьез воевать. В крайнем случае поугаю и все на том. А меня ведь могут воспринять как серьезного противника... А я даже в морду как следует дать не смогу, – юлил Вадик.

– Ну, а если они до настоящего тебя докопаются? – спросила Семечкина.

– Не докопаются! – сказал Вадик. – Я начальству наплел, что ты корреспондентка, которая предоставляет мне информацию через Интернет, а я ее лишь литературно обрабатываю. И я, мол, такой благородный, что выплачиваю тебе все причитающиеся гонорары, оставляя их в указанной тобой ячейке на вокзале... А Семечкина ты или не Семечкина – я и знать не знаю; может, это и вовсе псевдоним.

Алина на это только рассмеялась.

– Ты, пойми, – продолжал убеждать ее Вадик, – мне же благодаря тебе место в газете будет обеспечено.

– Перечитал ты, Вадик, детективов, перечитал... – покачала тогда головой Алина.

Вспомнив теперь об этом, Алина тяжело вздохнула.

– Знаешь, какой резонанс получило дело о твоём избиении? – продолжал тем временем плести Вадик. – Представь, все нижегородские газеты на первые полосы информацию об этом поместили! На телевидении вечером репортаж был. Тут, понимаешь, у нас в лесу на охоте еще генерала какого-то подстрелили. Но там вроде как банальный несчастный случай, и про него после тебя на «ЧП» рассказывали. И из центра, из Москвы, уже корреспондента прислали. А я первый, представляешь, я первый! И меня теперь точно в штат возьмут!

– Ты так радуешься, что мне кажется, ты сам это все и подстроил... – вновь вздохнула Алина.

– Не, ну что ты! Это так просто совпало! Зато ты теперь местная знаменитость! К тебе скоро за автографами очередь выстроится!

– Не поняла... – насторожилась Алина. – Какая такая очередь? Ну, избили меня, приняли за твою корреспондентку, которая взяла себе, чтоб ей пусто было, в качестве псевдонима мои имя и фамилию.

– Тут, понимаешь, такая история... – пробормотал Вадик, начиная чистить апельсин. – Я твою фотографию в нашей газете поместил... мол, вот она, корреспондентка... Пусть город знает своих героев...

– О боже... – только и смогла вымолвить Алина и отвернулась к стене.

– Да не бойсь ты! – поморщился Вадик, чуть стушевавшись и засовывая дольку за долькой очищенный апельсин себе в рот. – Ну, надо было... Эти подонки больше к тебе не сунутся. Их же поймали. А чтобы процесс был показательный, ты реальной должна быть, живой... А я под своим именем репортажи вести буду из зала суда. Я уже интервью у их родителей взял. Рубрику «Журналистское расследование» оживил...

– Ой, Вадик, иди, я устала... А то я на тебя реально разозлюсь... Мало того что башку чуть не разбили, так еще теперь на улицу не выйти, все узнавать будут.

– Нет, подожди... я кое-что еще тебе сказать должен... – С этими словами Вадик положил оставшиеся дольки на стоящее на тумбочке блюдце и, сняв со спинки койки полотенце, принялся вытирать руки.

– Ну что там у тебя еще? – почти простонала Алина. – Говори скорей и уматывай! Достал ты меня, Вадик, реально достал! Втравил меня в такую историю...

– В общем, я для поддержания твоего имиджа еще одну статью под твоей фамилией написал. Мол, нас не запугаешь! И хотя ты лежишь в больнице, все равно пишешь. Если хочешь, я могу тебе ноутбук дать и сфотографировать. Представляешь, на больничной койке, но не перестаешь работать. Но я тебе должен суть твоей статьи изложить. Чтобы, если корреспонденты у тебя спрашивать будут, ты смогла им все рассказать...

Алина безнадежно покачала головой:

– Но я же не журналистка! Я экскурсии по городу вожу...

– Ну, в общем, слушай! – бодро начал Вадик. – Тут в банке «Омега» банкира подстрелили. Он в коме сейчас находится. Кстати, на этом же этаже лежит. В отдельной палате. Я так и написал, что, мол, на одном этаже со мной, то есть с тобой, лежит подстреленный банкир. Так вот... В него вроде клиент стрелял обманутый. А несколько дней назад мне письмо подвернулось под руку. Анонимка. Тоже от клиента этого самого банка «Омега». Представляешь, что эти банкиры вытворяют! Предлагают человеку кредит для раскрутки собственного дела. Салон там открыть, автомастерскую... Человек раскручивается, дело его собственное прибыльным начинает становиться. А банк ему раз – и выставляет счет. Мол, где-то там проценты не те человек заплатил, где-то там бумажки какие-то не так подписал... Так все поворачивается, что он просто вынужден свое дело за бесценок продать. А если сопротивляется, разобраться пытаются, на него братки наезжают. Родственников запугивают, детей крадут. В общем, сплошная уголовщина. Человек в конце концов сдается, дело свое продает. Само собой, дело попадает в руки определенных людей. А человека, бывшего хозяина, и убрать могут. За этим всем крими-

нальный авторитет стоит... Я даже кличку его знаю – Шрэк. Но, как сообщал наш анонимщик, все ниточки ведут не куда-нибудь, а в мэрию, и еще дальше, к губернатору. Махинации такие этот банк не только в Нижнем, но и по всей области прокручивал...

– Я читала о похожих махинациях, только с квартирами... – вспомнила Алина. – Это, конечно, беспредел.

– Вот видишь, сама говоришь, что беспредел... Они и с квартирами тоже, я так подозреваю, нечто подобное проворачивают. Но я написал о том, что нам аноним сообщил. Я это письмо из отдела писем выкрал. И на его основе историю раскрутил. Название клевое: «На одном этаже со смертью». Мол, лежишь ты в этой больнице и понимаешь, что в любую минуту откроется дверь и сюда войдут те, кто желает твоей смерти. Но тебя им не запугать. Ты все равно будешь рассказывать людям правду. Пусть банкиры боятся праведного народного гнева. И один из них уже пострадал от обманутого вкладчика...

– Лихо... – покачала головой Алина. – Но я же не работаю в редакции. Откуда у меня письмо взялось?

– Ну, я так подал, что письмо ты из Интернета выловила. Человек писал в никуда. Он лишь надеялся, что его услышат. А ты выловила его письмо и начала раскручивать. Я еще от твоего имени прошу всех обманутых вкладчиков отозваться, рассказать свои истории...

– Ну, втравил ты меня, Вадик, в историю, – вздохнула Алина. – А статью эту твою уже напечатали?

– Да нет еще. Я только что ее переслал. Но хочу еще портрет твой напечатать. В больнице. За ноутбуком... Давай щелкну, – не отставал Вадик.

– Нет, Вадик. Это уж слишком... – твердо сказала Алина. – Или ты печатаешь без фотографии, или я тебе вообще не разрешу печатать. Реально хай подниму.

– Ладно. Я тогда перезвоню в редакцию, пусть в номер ставят, – вздохнул Вадик и, достав мобильник, набрал номер редакции.

– Але! – ласково мякнула Ниночка-секретарша.

– Это Вадим Котов, – гордо заявил Вадик. – Соедини меня с главным.

– Он занят, – пропела Ниночка.

– У меня срочное сообщение, – продолжал настаивать Вадик.

– Мне скажи, я передам, – муркнула Ниночка.

– В общем, статью в завтрашний номер я передал для рубрики «Смотри в оба!». Называется «На одном этаже со смертью». Автор Семечкина. Я фотографию обещал. Так ты передай, что фотографии не будет.

– Хорошо, – пропела Ниночка и добавила: – Но и статьи, похоже, не будет...

– Как это?! – возмутился Вадик.

– В завтрашнем номере точно не будет, я только что верстку главному носила. Нет там никакой Семечкиной. А дальше не знаю...

– Я же своими глазами ее на первой полосе видел! Мне главный руку даже пожал...

– А сейчас нет Семечкиной. Есть план реконструкции старого города. И комментарий главного архитектора...

– Может, на другую полосу перенесли?

– Да нет... – сказала Ниночка. – И вообще, вот я смотрю, и в запасе, в архиве даже нет Семечкиной...

– Позови главного! Срочно! – начал выходить из себя Вадик.

– Он занят! – буркнула Ниночка и отключилась.

Как раз в это время дверь палаты открылась и вошла пожилая медсестра.

– Вот стерва! – взорвался Вадик, вскочил и, на ходу сбрасывая халат, бросил Алине: – Жди здесь. Я сейчас вернусь.

Та, скептически улыбнувшись, лишь махнула рукой.

– Чегой-то он меня стервой обозвал? – изумилась медсестра.

– Это он не вас, – успокоила ее Алина.

– А что, вас?

– Да нет, он по телефону говорил. Вот поехал разбираться. А мне здесь ждать приказал, – попыталась шутить Алина.

– Да, ну и дела... Я у главного была, заявление свое подписывала... Так ему при мне сам губернатор звонил. О вашем здоровье беспокоился. Сказали, чтобы к вам никого не подселяли. И даже охранника обещали поставить. А мне вот укольчик вам поручили сделать. Успокоительный. Чтобы вы выспались и отдохнули, – сказала медсестра и действительно приготовилась делать укол.

Алина только спросила:

– В руку или ягодицу?

Медсестра кивнула:

– В ягодицу, в ягодицу.

Алина повернулась на бок, почувствовала легкий укол и... будто провалилась в глубокий, глухой сон.

Когда она открыла глаза, за окном не то стояла ночь, не то серело раннее утро. В палате было темно и тихо. Горела лишь тусклая лампа над входом. Чтобы узнать время, Алина протянула руку к тумбочке, где лежал мобильник. Но мобильного не было. Алина подумала, что он упал на пол, и, забыв, что ей не стоит вставать, слезла с постели и даже заглянула под кровать. Мобильника нигде не было. А вот голова закружилась. И ее даже начало подташнивать. Алина хотела вызвать медсестру, но потом вспомнила то, что произошло днем, и решила подождать. Ведь Вадик, из-за которого и разгорелся весь сыр-бор, обещал вернуться, но не вернулся. И это почему-то ее напрягало, даже тревожило.

Хотя голова слегка побаливала, с памятью у нее все было в порядке. Она ясно помнила, что с ней произошло, помнила о том, в какую аферу втянул ее Вадик, и о том, что главврачу зачем-то звонил сам губернатор. Было только непонятно, зачем у двери ее палаты собирались поставить охранника.

В коридоре слышались шаги. Алина решила схитрить и прикрыла глаза, притворилась, что спит.

Дверь скрипнула, и в палату вошли двое.

– И сколько она так проспит? – спросил один из вошедших, судя по голосу, молодой мужчина.

– Минимум до утра, – ответил второй, очевидно постарше.

Осторожно, сквозь ресницы, Алине все же удалось рассмотреть обоих. Один был высокий, широкоплечий, в кожаном пиджаке и даже без халата, а второй – с седыми висками, в застегнутом на все пуговицы белом халате и шапочке.

– Мы поставили у дверей охранника. Но вы, как дежурный врач, тоже поглядывайте. Проконтролируйте, чтобы никто сюда не прошел. Выходы все проверьте. И может, медсестру в палату посадите. Нельзя, чтобы она вступала в контакт с кем бы то ни было посторонним... – проговорил тот, что в кожанке.

– Скажите, – поинтересовался врач, – вы ее охраняете как опасную преступницу или, наоборот, ей самой угрожает опасность?

– Какая вам разница? – не скрывая раздражения, вопросом на вопрос ответил второй.

– Но если сюда, как вы предполагаете, может проникнуть кто-то посторонний и этой девушке угрожает опасность, стоило бы усилить охрану...

– Не волнуйтесь, наш Никита целого отряда стоит, – сказал мужчина с гордостью. – Но ведь и она какие-то телодвижения может произвести. – Мобильник мы у нее, как вы просили, забрали, одежду тоже. Куда она голая... – успокоил врач.

– Ладно, если вы говорите, что до утра девушка проспит, пусть спит. И окна занавесьте. А то эти папарацци любят в окна заглядывать...

– Хорошо, – сказал врач и затянул жалюзи.

– Завтра утром я приду. Если проснется раньше, дайте мне знать. Нам с ней переговорить нужно, – сказал мужчина и добавил: – Глухов велел предупредить, что вы за нее головой отвечаете.

– Я понял, – сухо сказал врач, и они вышли.

Алина поняла, что не поняла ничего. Единственное, что она точно теперь знала, – это то, что Вадика к ней никто не пустит. И еще, что она, сама того не желая, вляпалась в историю, в которой замешаны люди, которых принято называть властью имущими. Причем власть они имеют, и здесь Вадик, похоже, прав, и официальную и неофициальную.

Алина перевернулась на другой бок и почувствовала, что спать ей совсем не хочется. И еще больше ей не хочется отвечать завтра на вопросы этого самоуверенного парня в кожанке. И самое время, как говорят подростки, линять отсюда. Алина приподнялась и увидела, что халат, в котором приходил Вадик, так и валяется в углу под умывальником. Она встала и надела его, застегнув на все пуговицы. Конечно, на улице холодно, но добежать до ближайшего подъезда даже босиком можно, а у нее ведь есть тапочки!

Единственное – нужно решить, куда бежать. Через дверь, у которой стоит охранник, или через окно.

Алина подошла к окну и выглянула. Второй этаж. Но прямо под окном – козырек, на который несложно соскочить.

Но, как оказалось, ход через окно понравился не одной ей. Не успела Алина распахнуть вторую створку, как чья-то сильная рука буквально вытащила ее наружу. Тряпка с хлороформом не дала ей даже крикнуть. Алина опять оказалась в полной отключке, а когда пришла в себя и открыла глаза, был ясный день. Прямо ей в глаза слепило солнце, которое пробивалось сквозь кленовую листву. Нужно понимать, у окна рос клен, и его разноцветные резные листья, и опавшие и из-за тумана прилипшие к стеклу, и еще крепко держащиеся на ветвях, создавали на окне что-то наподобие витража.

Алина осознала, что лежит в большой просторной комнате на двухспальной кровати, под теплым одеялом, но не может повернуться даже на бок, потому что кто-то привязал ее к кровати простыней.

В комнате, кроме кровати, был на всю стену встроенный зеркальный шкаф-купе, плазменный экран и зачем-то разбросанные по всей стерильно белой комнате разноцветные прозрачные шарики. Такие же, только с лампочками, были приделаны к потолку. В углу стояли ярко-красное дутое кресло и столик с прозрачной красной столешницей.

Ее пробуждения, очевидно, ждали, наблюдая за нею с помощью видеокамеры, которая пялилась на нее с потолка над кроватью.

Как только Алина открыла глаза и наскоро огляделась, дверь отворилась и вошли двое: здоровый, лысый, в темно-зеленом полосатом халате и второй – на голову его выше, в спортивном костюме.

– Ну что, проснулась, Семечкина? – спросил лысый неприятным, скрипучим голосом. Его лицо при этом так заиграло морщинами и морщинками, что Алине он показался похожим на Фантомаса или Шрэка.

– Где я? – строго спросила Алина. – И кто вы вообще такие?

– Ты находишься у меня в гостях, – сказал лысый и оглянулся на дутое кресло. Второй, очевидно охранник, придвинул его к кровати.

Лысый сел и, глядя в глаза Алине, спросил:

– И кто же тебя науськал писать всякую чушь? Кто и сколько тебе заплатил за твои поганые статейки?!

– Это что, допрос?! – возмутилась Алина.

– Не. Это разговор по душам! Вишь, за окном клен шумит, солнышко светит... Болдинская осень, одним словом. Я с тобой говорю, ты со мной говоришь, все как на духу рассказываешь...

– Тоже мне, блин, священник нашелся! – раздраженно проворчала Алина. – Кто ты такой вообще-то?

– Да, детка не понимает... Если хошь допрос, будет тебе, детка, допрос! Боб, позови Вана, покажите девочке, что такое допрос... – сказал лысый, явно теряя терпение.

– Если вы хотите поговорить по душам, – решила пойти на попятную Алина, – то хотя бы развяжите меня, дайте умыться, в туалет сходить, а потом уже спрашивайте.

– Ладно, не скоты же мы... – сказал лысый и приказал: – Боб, развяжи ее и проводи умыться. А я вас здесь подожду.

Когда Боб развязал Алину, она поняла, что ее руки и ноги затекли настолько, что, для того чтобы расходиться, нужно будет время. Значит, пролежала она в этой комнате не один час.

Ванная и туалет с модной под мрамор отделкой обнаружили тут же у выхода из комнаты, дальше шел длинный затемненный коридор, утыкавшийся в железную дверь с кодовым замком.

На окнах, как поняла Алина, стояли какие-то хитрые рамы на кодовых замках и с пуленепробиваемыми стеклами. Да еще видеонаблюдение повсюду. Сбежать нереально. То есть, хочет она того или нет, придется договариваться.

Когда Алина вернулась в комнату, лысый сидел за приставленным к кровати столиком с двумя чашками дымящегося ароматного кофе и вазочкой с печеньем.

Алина не смогла скрыть чуть скептической улыбки.

Не успела она устроиться на кровати, как в комнату влетел невысокий парнишка в кожанке с взъерошенными волосами и выпалил:

– Шрэк, звонил Дэн, они перестарались!

– Я просил не называть меня Шрэком! Да еще при посторонних! – взвился лысый, заливаясь краской.

«Красный Шрэк», – подумала Алина и сделала пару глотков. Кофе вернул ее к жизни.

– Простите... – стушевался вбежавший парнишка и добавил: – Я думал, что это важно...

– Я же сказал, что он мне в здравом уме и ясной памяти нужен! – рявкнул Шрэк. – Балбесы! Пусть теперь, что хотят делают, но чтобы пацана в чувство привели! Иначе я их самих урою!

– А если не получится?! – осторожно спросил парень.

– Получится! Захотят – получится!

– Может, врача вызвать? – бледнея, спросил парень.

– Еще чего не хватало! Сами заварили кашу – сами и расхлебывайте!

– Но ему реально плохо... Без сознания он... Можно, я хотя бы вашего доктора туда отведу...

– Ладно, веди! – махнул рукой Шрэк и тоже глотнул кофе.

Алине стало не по себе. Но деваться ей было некуда, и единственной разумной тактикой оставалось, как можно дольше тянуть время.

– Ума не приложу, чем я заслужила ваше внимание... – сказала она, растягивая слова и чуть модулируя голос. – Вы, надо понимать, весьма уважаемый человек. А я всего простой экскурсовод. Ни денег у меня, ни славы...

– Ладно, крошка, хорош выпендриваться! Сама знаешь, что у тебя есть кое-что подороже денег и славы... – проговорил Шрэк, в упор глядя на Алину.

– А что же может быть дороже денег и славы? – продолжала играть Алина. – Неужели любовь?

– Нужна ты мне! – недовольно фыркнул Шрэк и, не сводя глаз с лица Алины, добавил: – Информация. Крошка, ты владеешь нужной мне информацией.

– Информацией? Я? – удивилась Алина, уже понимая, что отмолчаться ей не удастся. Но Вадика ей выдавать тоже не хотелось. Оставалось тянуть резину.

– Скажи, откуда ты знаешь Вадима Котова? – спросил Шрэк.

– Вадима? – повторила Алина, сама не зная, что ответить.

– Ну да. Журналисту этого. По его словам, ты ему через Интернет информацию сливала. А почему ты именно его выбрала? Столько опытных журналистов рогом землю роет, а ты какому-то молокососу доверилась... – сказал Шрэк, явно проверяя ее.

– А он что, молокосос? – спросила Алина, понимая, что каждое ее слово может стать для Вадима или спасительной соломинкой, или камнем, который потянет на дно.

– Да в том-то и дело, сопляк совсем!

– А мне казалось, так солидно звучит – Вадим Котов... – продолжала играть Алина. – Я думала, что он такой, как вы. Взрослый. Опытный...

Грубая лесть сработала: Шрэк опять налился краской, но теперь, очевидно, от удовольствия.

– Ладно, это твои проблемы... Я о другом. Кто тебе рассказал о том, что банк «Омега» всякие там махинации проворачивает...

– Я не могу рассекречивать источник информации...

– Слышь, ты, не выпендривайся, а то я и по-другому поговорить с тобой могу...

– Попробуйте. Поговорите, – сказала Алина, хмуря брови. – Вы же отлично знаете, что у меня имеется спасительная флэшка со всем компроматом, который я накопала и который, я так поняла, вас интересует, и эта флэшка находится в надежном месте. И если со мной что-нибудь случится, то все, что на ней записано, тотчас же будет опубликовано если не в наших городских изданиях, то где-нибудь в Москве или вообще за рубежом.

– Ты что, мне угрожаешь?! – возмутился Шрэк.

– Да нет, предупреждаю, – повела Алина плечом, чувствуя, что наконец выбрала верный тон. – Вы же сами говорите, что информация дороже денег, дороже славы и даже дороже любви.

– И сколько ты хочешь за твою информацию? Точнее, за источник твоей информации? – спросил Шрэк.

– Вы не поняли. Мне сейчас нужно срочно позвонить. И сказать своим друзьям, что со мной все в порядке. Чтобы они не волновались и пока что не давали ход тем сведениям, которые, я так поняла, вас сильно напрягают...

– Хорошо, звони, – сказал Шрэк.

– Так телефон же мой, мобильник, вы еще в больнице у меня забрали... – напомнила Алина.

– Мобильник? – удивился Шрэк, а потом махнул рукой: – Не, мобильник, это не мы... Это другие...

– Что, конкурирующая фирма? – прищурилась Алина.

– Можно сказать и так.

– Ладно, давайте любую трубку.

Шрэк протянул ей свой мобильник:

– На, звони!

Алина собиралась предупредить Вадима, чтобы тот не наделал глупостей. И лучше бы вообще скрылся куда-нибудь на время. Как об этом ему сказать, она еще не придумала.

Но не успела она взять телефон, как он зазвонил. Шрэк поднес аппарат к уху, выслушал, что ему сказали, резко изменился в лице и молча отключился. А потом вдруг поднял на Алину налитые кровью глаза и прохрипел:

– Так говоришь, не знаешь Вадима Котова?! Ну и не узнаешь! Мои люди забили его до смерти!

Алина почувствовала, что опять теряет сознание.

Глава 6

После случайно подслушанного телефонного разговора, который вел с кем-то охранник Серега, Линькова поняла, что, по сути, находится в капкане. Человек, которому одни высокопоставленные чиновники поручили охранять ее, как оказалось, служит совсем другим и тоже, похоже, власть имущим людям. Можно предположить, что генерал, с которым общался Серега, каким-то образом связан с ныне действующим губернатором. Линькова понимала, что должна обязательно передать эту информацию своим покровителям, но связываться с кем-то по телефону и даже через Интернет было опасно: телефон прослушивался, Интернет, надо полагать, тоже был под контролем. Судя по тому, что после ее послания, адресованного мужу и сыну, Серега начал убеждать кого-то, что она не в Москве, а на Кипре, все ее электронные письма просматривались ангажированными хакерами. Хорошо, что ее предупредили и попросили никому не сообщать, где она находится, а лучше делать вид, что из Москвы она не выезжала. И там, в Москве, кое-кто пребывает в шоке оттого, что Серега их уверял, что она на Кипре, а, судя по письмам, она в Москве. Виктория Львовна не удивилась бы, если бы обнаружила в своем номере установленные тем же Серегой видеокамеры. Больше всего Линькова опасалась хлебнуть химических препаратов, которые можно подсыпать в любое питье или еду. Достаточно сделать человека безвольным, и, как говорится, «делай с ним что хошь». Любая провокация пойдет как по маслу.

Линькова поежилась, осознав, что здесь, за границей, на «острове счастья», она абсолютно незащищена. И выход из сложившейся ситуации ей придется искать самой. Те, кто послал ее на Кипр ради ее безопасности, где-то просчитались. Хотя Линькова не исключала, что это тоже было частью какой-то сложной мужской игры. Как она убедилась за долгие годы вполне мирного сосуществования с умными и талантливыми мужчинами, выиграть у них можно, только используя знаменитую женскую логику, то есть совершив что-нибудь непредсказуемое, то, чего мужчины в данный момент никак от тебя не ожидают.

Полночи Линькова, ворочаясь с боку на бок, проигрывала самые разные способы избавления от опеки Сереги. И самый простой – бежать. Немедленно. Да, у нее есть пластиковая карточка и возможность снять деньги в любой точке мира, есть паспорт на чужое имя. Если бежать, это нужно делать сейчас, не дожидаясь утра. Ей сложно будет скрыть недоверие к Сереге, он, несомненно, начнет подозревать, что она его раскусила, что она о чем-то догадывается, и последствия могут быть просто трагическими.

Взвесив все за и против, Линькова оделась, накинула плащ, взяла сумочку и выскользнула в коридор. Все вещи, чемодан и даже мобильный телефон, который, если Серега успел вставить туда чип, мог служить отличным маячком, она оставила в номере. Охранник должен подумать, что она отправилась погулять, подышать воздухом.

Спустившись, Линькова села в одно из стоявших у входа такси и спросила у шофера по-английски:

– Скажите, как удобнее добраться с острова на материк? Самолетом или, может, морем?

– Сейчас ночь. И до утра вряд ли вы чем-то туда выберетесь. Правда, тут вот один богатый русский как раз собирается плыть на материк на своей яхте. Я только что отвез его к причалу. Если вы его попросите, он, возможно, прихватит вас с собой... – ответил таксист.

– Да, едем, и поскорее! – попросила Линькова, понимая, что каждая секунда у нее на счету.

– Хорошо, – кивнул таксист, и уже через несколько минут они были там, где стояли тускло освещенные дежурными фонарями яхты. Днем они наверняка были ослепительно белоснежными, а теперь, покачиваясь, купались в голубовато-лиловой прудуренной дымке.

Еще из окна такси Линькова успела рассмотреть, что одна яхта, названная простым русским именем «Саша», выглядит не такой сонной, как все остальные.

– Вот тот русский господин сел именно на ту яхту, – показал шофер.

Линькова открыла сумочку, чтобы расплатиться, и с ужасом обнаружила, что в ней нет не только наличных денег, но и пластиковой карточки. Когда и зачем Серега, а больше было некому, их вытащил, было непонятно. Но теперь она оказывалась заложницей обстоятельств.

– Проблемы? – спросил таксист.

– Ну! – покачала головой Линькова и постаралась даже улыбнуться.

Можно было, конечно, попытаться упрямить водителя простить ей долг, но быть уверенной на сто процентов в том, что этот враз насторожившийся пожилой мужчина не вызовет полицию, она не могла.

На секунду задумавшись, она сняла с шеи золотую цепочку и протянула шоферу:

– Я забыла деньги, вот возьмите цепочку. Она очень дорого стоит.

Шофер помрачнел и даже протянул руку, чтобы заблокировать двери, но, взглянув на испуганное лицо пассажирки, махнул рукой и дал ей выйти.

Линькова, звонко цокая по набережной каблучками, поспешила к яхте, с которой теперь уже доносилась довольно громкая музыка.

– Эй, стой! – крикнула госпожа Линькова по-английски матросу, уже поднимавшему на борт пешеходный трап. – Подожди!

Матрос удивленно посмотрел на нее и повернулся – очевидно, позвал хозяина. На палубу вышел высокий широкоплечий мужчина в дорогом белом костюме и шляпе. Мужчина, вероятно, был изрядно пьян, судя по тому, как его покачивало. В руке он держал бокал с красным вином. Фигура хозяина показалась Линьковой чем-то знакомой. Она определенно этого человека где-то видела, однако разглядеть лицо в полумраке было довольно сложно.

Матрос что-то сказал хозяину, указывая на подбегающую к яхте даму. Хозяин подошел поближе к борту и громко по-английски спросил:

– Девушка, чего вы хотите?

– Мне срочно нужно на материк! Это вопрос жизни и смерти! Мне угрожает серьезная опасность! Помогите! – едва переводя дыхание, проговорила Линькова и добавила по-русски: – Пожалуйста!

– Вы что, русская? – удивился мужчина.

– Да, да! Русская! – закивала Линькова.

– Помогите ей! – сказал мужчина по-английски матросу и, вздохнув, добавил на родном языке: – Мне тебя просто Бог послал! А то я с тоски загибаюсь! По-русски и поговорить не с кем. Скоро язык сломаю, пытаюсь объяснить. Ваше здоровье! – С этими словами хозяин, как ни в чем не бывало, отпил вина и, пошатываясь, направился куда-то в нос яхты.

Матрос помог Линьковой подняться на борт, тут же убрал трап, и яхта медленно отчалила от берега.

Линькова посмотрела туда, где скрылся хозяин, затем огляделась по сторонам.

– Вы плывете на материк? – спросила она у матроса.

– Да, – ответил тот.

– А как мне поговорить с хозяином?

– Когда хозяин отдыхает, его лучше не трогать, – покачал головой матрос.

– Понятно, – кивнула Линькова и спросила: – Сколько плыть до материка?

– Пару часов.

– Так долго?

– Хозяин никуда не торопится, – объяснил матрос и добавил: – Еще у нас запланированы фейерверк и танцы.

Будто в подтверждение его слов над яхтой действительно взметнулись в небо огни фейерверка. Тут же послышался женский смех.

– На яхте много людей? – поинтересовалась Линькова.

– В этот раз немного, – пожал плечами матрос.

– Скажите, а где мне можно... – Линькова замялась, – привести себя в порядок?

– Здесь есть одна гостевая каюта, очевидно, можете занять ее, – предложил матрос и добавил: – Хозяин мне не давал насчет вас никаких распоряжений. Но вы наш гость, поэтому гостевая комната к вашим услугам.

– А хозяин не будет против? – спросила Линькова.

– Он, похоже, уже пребывает, как это русские говорят... ах да, в отключке. Так что не волнуйтесь, – сказал матрос, провожая ее к свободной каюте.

Он открыл дверь каюты и включил неяркий голубоватый свет.

– Прошу, – кивнул он, пропуская Линькову, – туалет и душ рядом со входом.

Виктория Львовна вошла в каюту, но не успела захлопнуть дверь, как на койке, где, как она думала, лежали подушки и одеяла, кто-то заворочался и недовольно прохрипел по-русски:

– Блин, ну кто там еще!

– Ой, простите. Мне сказали, что здесь свободно, – испуганно пролепетала Линькова.

– О, блин! Русская, что ли? Откуда ты здесь взялась?

Только тут Линькова заметила лежащую на столике рядом с бутылкой вина и вазой с фруктами белую широкополую шляпу. Ту самую, в которой был хозяин яхты. Это действительно был он. В том самом белом костюме и расстегнутой ярко-фиолетовой сорочке. Его начинающие седе́ть темные волосы были изрядно взлохмачены.

Мужчина, протирая глаза, сел на кровати, и Линькова только теперь поняла, почему его силуэт и его голос показались ей настолько знакомыми. Это был не кто иной, как один из депутатов их фракции господин Трофимов, Глеб Трофимов – владелец нескольких крупных холдингов, олигарх, который все еще оставался одним из самых завидных российских женихов. Каким образом его занесло в российскую думу, ей до сих пор было непонятно. Но, так или иначе, они с ним были пусть не накоротке, но все же знакомы. И странно было, что он ее сразу же не узнал. Иначе он не стал бы называть ее девушкой и обращаться к ней на «ты».

Трофимов поднял чуть замутненные алкоголем ярко-голубые глаза на гостью и от неожиданности икнул.

– Виктория Львовна, вы?

– Ну да, господин Трофимов, я, – кивнула Линькова и пошутила: – Вот с ревизией прилетела, посмотреть, как депутаты нашей фракции проводят свой досуг и тратят государственные денюжки.

– Какие государственные? Я взял отпуск. Развеемся. А деньги, деньги все мои, кровные... – вдруг начал оправдываться Трофимов.

– Да ладно, это я пошутила, – успокоила его Линькова.

– Так я не понял, откуда вы тогда здесь? – попытался разобраться Трофимов.

– Вы же сами меня на яхту пустили. Мне на материк нужно, а потом в Москву. Срочно.

– Понятно, – сказал Трофимов и отхлебнул прямо из бутылки вина. – Хотя нет, совсем ничего не понятно.

– Мне срочно нужно в Москву, – повторила Линькова.

– Ну, если хотите, могу вам свой самолет дать, чтобы скорее было. Он тут на берегу, в ангаре, – предложил Трофимов.

– Пожалуй, я воспользуюсь вашим предложением, – не скрывая облегчения, согласилась Линькова. – А то у меня карточку пластиковую украли. Теперь не то что ни доллара, ни цента нет. С таксистом пришлось золотой цепочкой рассчитываться.

– Вот тот, наверное, обалдел от счастья! – хохотнул Трофимов.

Она хотела еще что-то сказать, но Трофимов, еще раз хлебнув вина, повалился на кровать и захрапел.

Линькова лишь вздохнула, осознав, что, скорее всего, когда Трофимов окончательно проснется, ей придется еще раз объяснять ему, каким образом она попала к нему на яхту.

Поскольку Трофимов был богат и холост, о нем часто и много писали газеты. И Линькова понимала, что, хотя далеко не все в газетах правда, дыма без огня не бывает. Глеб Трофимов, хотя и родился где-то на периферии, не то в Самаре, не то в Нижнем Новгороде, Линькова точно этого не помнила, сейчас был одним из ярчайших представителей московской элиты. Поговаривали, что именно на него положили глаз две самые знаменитые в стране незамужние светские львицы. И он, рискуя быть исцарапанным насмерть, появлялся на светских раутах то с одной, то с другой. Здесь, на Кипре, где у него вроде как была оформленная на подставное лицо вилла, куда он время от времени съезжал от московской суеты, Глебушка, как видно, отрывался по полной.

Сидеть в каюте с храпящим пьяным мужчиной у Линьковой не было никакого желания, и она вышла на палубу, где ее тут же подхватили и потащили за собой какие-то полуголые девушки. Одна из них была и вовсе голой, но с разрисованным узорами телом. Девушки громко смеялись и, наверное, не поняли, что она не из их компании, приняли ее за свою. За девушками, пошатываясь, шли трое мужчин. Они были во фраках и... плавках и держали в руках уже пустые рюмки и бокалы.

Линькова попыталась вырваться, но ее уже дотащили до освещенного красноватым живым светом зала, где, очевидно, и проходило главное гулянье. Здесь у стен стояли мягкие, обтянутые алой кожей диваны, на полу валялись женские платья и мужские брюки и стояли бутылки с недопитым вином, коньяком и другими напитками.

– Раздевайся! Раздевайся! Смелее! – приказал, наклоняясь к ней, один из мужчин. И Линькова едва не лишилась дара речи. Это был не кто иной, как... Серега, которого она оставила в отеле.

Однако вел себя Серега как-то странно. Он говорил по-английски и будто ее не узнавал. Во взгляде у него не мелькнуло даже тени удивления по поводу того, что она, Линькова, вдруг оказалась на этой яхте. Он приобнял ее за талию, подал ей бокал вина, который снял со стоящего на столике подноса.

Виктории Львовне так хотелось пить, что она чисто машинально сделала несколько глотков.

Что произошло дальше, Линькова не помнила. Она пришла в себя уже в постели, абсолютно голая. И тут же вспомнила и то, что находится на яхте, и то, что яхта принадлежит господину Трофимову, и даже то, что глотнула вина из рук, как ей показалось, Сереги, который почему-то совсем не говорил по-русски...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.